

DIGITAL BOOK

ИДДК

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S
СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО
БРАТ ВО ХРИСТЕ

Сергей Панченко
Миры Артёма Каменистого.
S-T-I-K-S. Брат во Христе
Серия «S-T-I-K-S»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35011064

Аннотация

Что есть Улей, как не Чистилище для тех, кто здорово согрешил в этом мире? Священнику отцу Анатолию работа в церкви приносила хороший доход, настолько хороший, что в душе он служил больше «Золотому тельцу», чем богу. Так было, пока судьба заслуженно не отправила его в Улей. Выживая, приспособливаясь к страшной действительности, взваливая на себя ответственность за других людей, отец Анатолий обрел новое имя и понимание того, как надо по-настоящему служить людям.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	50
Глава 4	80
Глава 5	102
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Панченко Сергей

Брат во Христе

Глава 1

Ко всем человеческим страстям отец Анатолий имел одинаковое влечение, которое можно было назвать чрезмерным. Он любил выпить, но именно любил. Относился к этому процессу с настоящим эстетическим пиететом. Красивый стол к рюмке водки, коньяка или виски обязательно должен быть, иначе и не стоило затевать пьянку. Как ему самому казалось, именно сочетание еды и крепкого алкоголя (слабый он не уважал совсем), провоцировало его и даже вдохновляло, как красивая особа – поэта.

Чревоугодие было его второй страстью и неотъемлемой частью первой. За плохой стол отец Анатолий не садился, постная пища не возбуждала его аппетит, но с его доходами он мог позволить себе любые деликатесы. Из-за потакания второй страсти отец Анатолий ежегодно прибавлял килограммов по пять, и в настоящее время его вес перевалил за центнер. На пожертвования от прихожан он обзавелся большим автомобилем, но, перейдя стокиллограммовый рубеж, отец Анатолий снова начал ходить пешком. Ему хотелось поддерживать себя в форме, чтобы хватало мужских

сил на еще одну страсть: отец Анатолий охоч был до женщин. Терпение он имел и не влачился за женским полом по постам и праздникам уважаемых им святых. Во время литургий, воскресных молитв и даже отпеваний он умудрялся выглядывать в толпе прихожан смазливое личико и кадрить его одним только плутовским взглядом. Слава бежала впереди отца Анатолия. Многие местные одинокие и просто любящие процесс дамы приходили в церковь, чтобы привлечь отца Анатолия. По окончании всех служб он находил в ящике для пожертвований адреса ждущих его сластолюбив и бодрой походкой покидал церковь, чтобы получить воздаяние за труды свои.

Отцу Анатолию было ближе к сорока. На путь служения Церкви он встал в довольно молодом возрасте. Духовные терзания после совершенных им неблагоприятных поступков не давали жить. Тогда он начал молиться и почувствовал, как терзания куда – то бесследно деваются. Рассказывая о них Богу, он будто очищался, сбрасывал себя на ноль. Тогда ему пришла в голову совсем интересная мысль: а что, если он устроится к Богу на работу? Тогда своим служением он сможет не просто очищать себя, но и набирать запас, который можно будет спустить весело и разом.

Все было прекрасно до последнего времени, и это абсолютно устраивало отца Анатолия, пока не началась какая-то чертовщина. Именно чертовщина – мимолетная, ускользающая, призрачная. То что-то черное мелькнет в боковом зре-

нии, то шорохи начнут раздаваться по церкви, то засмеется в ночи далеким сатанинским смехом, то пол качнется под ногами, то среди ночи померещится призрак в окне. Отец Анатолий обратился в поликлинику – проверить голову, сосуды и все, что может вызвать галлюцинации. Врач ничего подозрительного не нашел, для верности выписал лекарства и заставил пропить. Это не помогло. Черти подбирались все ближе.

Тогда отец Анатолий решил, что с грехами надо заканчивать. Как-никак, он – лицо, приближенное к Богу, и если ему вскоре суждено закончить земной путь, то предстать пред очи апостола Петра он хотел с положительной характеристикой. Отец Анатолий бросил пить, из еды ел только кутью, запивая ее освященной водой, на женщин не смотрел совсем. И ждал улучшения. Но темнота сгущалась вокруг него. Черные тени прятались за спину, выглядывали через окна, шуршали в простенках. В конце недели батюшке стало совсем неважно терпеть, и по окончании служб он выпил бутылку водки, занюхав ее свечными огарками.

Пробуждение было тяжелым не только из-за сильного похмелья. В руках у отца Анатолия был крест, грубо вырезанный из церковной мебели. К одному из ответвлений креста скотчем был примотан нож. Батюшка совсем не помнил, откуда у него в руках оказалось это опасное изделие. Выходило, что сделал его он сам. Покалеченные ресурсы лежали рядом. Отцу Анатолию стало страшно – по – настоящему, сует-

верно и до холода в стопах. Знать, прогневил он Бога, знать, видел он дела его и позволил Сатане открыть окошко в мир, чтобы истязать неумного раба своего. Отец Анатолий разрыдался. Слезы потекли по его щекам и бороде, превратив ее в козий хвост.

Он подолом рясы утирал свое лицо и приговаривал все молитвы, которые смог вспомнить с похмелья. Упрашивал Бога дать знак ему, чтобы он понял, на какой путь ступить для исправления.

Отец Анатолий закрыл церковь, вывесил табличку, что сегодня службы осуществляться не будут, и направился домой. Крест, сделанный своими руками, он не выбросил, почувствовав к нему бессознательную тягу. Жители поселка видели, как непривычно рано их священник широкими шагами шел в обратную от церкви сторону. Видели они его в последний раз.

Отец Анатолий свернул на свою улицу и наткнулся на дико заросшего бездомного. В нос ударил запах грязи. Батюшка хотел обойти его, но бездомный, чистым и сильным для бомжа голосом обратился к нему:

– Не покормишь юродивого, батюшка? Недели маковой росинки во рту не было.

Именно голос остановил отца Анатолия – чистый, певучий. Если бы этот грязный бездомный прохрипел свою просьбу, то он не сбавил бы и шага, пройдя мимо него, как мимо докучливой мухи. Батюшка присмотрелся к человеку.

Пристальный взгляд чистых глаз загипнотизировал его.

– Отчего же не помочь? Идем со мной, накормлю, чем Бог послал, и баньку для тебя растоплю.

Бомж бесшумной походкой пошел следом за отцом Анатолием. Они подошли к отъезжающим в сторону кованым воротам. Дом отца Анатолия, построенный на милосердные жертвования, своей монументальностью не уступал церкви и даже превосходил ее в количестве архитектурных нюансов.

– Я не пойду внутрь, батюшка. Боюсь оскорбить своим видом твои хоромы. Будь милостив, вынеси сюда, – попросил бомж.

– Да тут только собаки мои едят. Проходи, не стесняйся. – Отец Анатолий пригласил бомжа в дом.

Ему на ум не приходило, по какой такой причине он ведет это грязное существо в свои стерильные опочивальни. Отец Анатолий усадил за стол гостя.

– Как зовут тебя, человек? – спросил он.

– Нет у меня имени. Как хочешь, так и зови.

– Да как это так?! Ведь звали же как-то тебя, до того как... – Батюшка осекся.

– Я всегда такой был, – признался бомж.

Отец Анатолий посчитал, что человек не хочет беречь жизнь, в которой были причины стать бродячим человеком. Он открыл холодильник и стал выставлять еду на стол. Добрался он и до бутылки коньяка. Сейчас ему нужно было вы-

бить клин тем же клином. Посмотрел на бродягу и достал из холодильника еще и бутылку дешевой водки. Разложил на столе еду, налил себе в бокал коньяка, а гостю – водки в стакан, решив про себя, что и такой подарок для бродяги чересчур.

– Угощайся, чем Бог послал. – Отец Анатолий придвинул к нищему тарелку с давнишними пельменями.

– Спасибо вам, но я не пью.

«Так вот почему у тебя такой чистый голос», – подумал батюшка.

В голову ему пришла одна интересная мысль. Он уже давно присматривался к прихожанам, подумывая, создать церковный хор.

– Поешь? – с надеждой спросил священник.

– Если вы о профессиональном пении, то нет. А так петь люблю.

Отец Анатолий в два больших глотка выпил бокал коньяка, приложился носом к соленому огурцу и довольно крякнул. Огурец провалился в бороду и захрустел на мощных челюстях священника.

– Хор хочу сделать, чтоб гремел на всю округу! – Батюшка замахнулся одной рукой, а второй снова налил коньяка. – Чтоб в нашу церковь все ездили. Чтоб... чтоб... понимаешь, проходимость какая будет? Это Бог тебя послал ко мне, точно говорю. Ты у меня звездой станешь! Мы такие псалмы петь будем – заслушаешься!

Батюшка раскраснелся. Глаза его засверкали торжеством. Мысль с хором показалась ему настолько удачной, особенно в плане увеличивающихся доходов, что невольно побежала еще дальше. Отец Анатолий представил, что откроет сиротский приют и добьется помощи на его содержание не только от государства, но и от епархии. Чертовщина, мучившая его в последнее время, забылась (не в последнюю очередь благодаря подействовавшему коньяку). Батюшка снова поднес бокал с коньяком к бороде.

– Ну, чтоб все получилось! – пожелал он и махнул бокал в открывшееся в бороде отверстие.

Священник поставил бокал и потянулся за огурцом, да так и замер. Вместо бродяги сидел другой человек в странном одеянии. Оно струилось светом и как будто не отражало его, а излучало самостоятельно. От прежнего бродяги у человека остались только глаза. Они смотрели с любовью и состраданием. Отец Анатолий все же схватил огурец и принялся креститься им.

– Что я сделал не так? – Коньяк быстро терял свои свойства в испуганном организме.

– Не что *сделал*, а что *предстоит сделать*. – Бродяга, или кто он там был на самом деле, блаженно улыбнулся.

Отец Анатолий почувствовал, как обстановка его кухни зашевелилась и поплыла, как воск на церковной свече. Тьма накатывала со всех сторон, и только глаза бродяги светились, как два синих уголька. «Помираю, – решил батюшка. –

Это ангел пришел за мной, проводить в царствие небесное». Тьма закрыла всё – и свет и звуки и даже тепло, – погрузив в ледяное ничто.

Отец Анатолий лежал на полу кухни. Теряя по неведомой причине сознание, во время падения, он ухватился за скатерть и все, что стояло на столе упало на него. Священник лежал неподвижно и едва сопел. Капустный лист из перевернувшегося на лицо салата то закрывал одну ноздрю, то распрямлялся под мощным выдохом. Короткий проблеск сознания заставил отца Анатолия дернуть ногой и глубоко вздохнуть. Проблеск нес в себе неприятное воспоминание о пережитом страхе. Он неясно тревожил, но его еще было недостаточно для полного восстановления сознания.

Батюшка задвигал ногами активнее. Салаты и закуски посыпались с рясы. Святой отец махнул рукой и припечатал к лицу кусок жареного мяса, натертого приправой из красного жгучего перца. Часть приправы втянулась в ноздри во время вдоха. Отец Анатолий зашевелил ноздрями, заерзал на одном месте, а потом громко чихнул. Чих вернул его в настоящий мир. Глаза открылись и забегали по кухне. В них еще читался страх.

– Ох! – вздохнул преподобный отец. Его тошнило.

Ощущение было такое, будто он выпил не два бокала дорогого коньяка, а литр сивухи. Отец Анатолий прокрутил в памяти воспоминание и не нашел в нем подтверждения

своим сомнениям. Он хорошо запомнил момент отключения. Мозг прорезал разряд молнии. Его же ограбили! Этот маскирующийся под бродягу тип каким-то образом добавил в коньяк клофелин и обчистил его. Святой отец не без труда сел. Обстановка вращалась, вызывая приступы тошноты. Живот резало, как после отравления.

– Молочка бы. – Отец развернулся в сторону холодильника и на карачках дополз до него.

Холодильник не работал. В нем едва чувствовался холод. Батюшка прикинул, что если холодильник отключился вместе с ним, то, судя по его состоянию, прошло не меньше пяти часов. Пакеты с молоком стояли на полке в дверке холодильника. Отец Анатолий вынул один и сделал несколько жадных глотков. Молоко растеклось по бороде. Жажда немного отступила, но ощутимого облегчения не произошло. Алкоголь мог бы помочь намного лучше. Святой отец сомневался, стоит ли сейчас прибегать к этому способу лечения. Скорее всего, придется вызывать полицию, а если он будет пьян, то его показания не будут приняты всерьез. В том, что он ограблен, отец Анатолий не сомневался. Других причин повергать его в беспамятство не было. Ему стало смешно, когда он вспомнил, что принял бродягу за ангела.

Священник придвинул табурет и с его помощью встал на ноги. Опора была шаткой. Земля под ногами ходила ходуном. Пришлось опереться о холодильник, сделать несколько шагов вдоль столешницы кухонного гарнитура, развернуться

и сесть за стол. Трудно было представить, сколько сил может потребоваться, чтобы подняться на третий этаж, в секретную комнатку, где хранилась вся наличность, золото и драгоценности. Взгляд упал на бутылку водки – единственное, что не было стянуто на пол. Только вместо прозрачной жидкости в ней было что-то грязно-бурое, будто прошедшее по ржавым трубам. Под бутылкой лежал листок. Отец Анатолий пододвинул к себе и листок и бутылку.

«Панацея» – единственное слово, написанное на листке. Батюшке оно показалось насмешкой. Не этой ли панацеей его опоили накануне? Он понюхал содержимое бутылки. Оно воняло хуже, чем выглядело. Ни дать, ни взять, воняло, будто давнишнего покойника запхали в бутылку. От сравнения живот резанул болезненный спазм. Отец Анатолий охнул и выругался не по – христиански.

Перед батюшкой стоял выбор: найти в себе силы подняться и проверить свой тайник или просто позвонить в полицию и сказать, что его ограбили. А заодно еще и в «скорую помощь», чтобы откапали. Отец Анатолий вынул из кармана телефон, набрал полицию и стал ждать, когда возьмут трубку. Сигнал сразу сорвался. Пришлось снова повторить звонок, результат получился тем же.

– Заступнички. – Отец Анатолий посчитал, что трубку не берут намеренно. Обедают, совещаются или футбол смотрят. Набрал больницу. Звонок снова сорвался. Только после этого он догадался посмотреть на экран. «Антеннок» не бы-

ло ни одной.

– Вовремя как. Ну, раз полиция дремлет, можно и коньячку.

Святой отец повторил путь к холодильнику. В его коллекции было достаточно хорошего алкоголя, но сейчас захотелось самого забористого. Самым крепким напитком был шестидесятиградусный ямайский ром. Батюшка свинтил пробку одной рукой, закинул в рот горлышко и, не дыша, сделал несколько глотков. В желудке приятно зажгло, и рези, как будто растворились в этом тепле. По венам потекла сила, и в голову пришла ясность.

– Совсем другое дело! – Батюшка заглянул в холодильник, ища закуску.

На глаза попались шарики моцареллы. Один за другим он закинул в рот три штуки, сделал еще один большой глоток из бутылки с ромом и с чувством выполненного долга поставил бутылку назад. Теперь можно было идти проверять убыток.

Выходя из кухни, отец Анатолий щелкнул выключателем. Как и следовало ожидать, свет не включился. Святой отец был уверен, что отключение света было одним из этапов его ограбления. Замки в секретной комнате были электронными. Грабители наверняка знали об этом. Поднимаясь по лестнице, батюшка никак не мог понять, что было не так. Что – то ему казалось непривычным, но задумываться об этом он не мог, пока не увидит, что случилось с его запасами.

Он замер перед секретной дверью, прикрытой постамен-

том, на котором стояла гипсовая Венера. Отец Анатолий завел руку за скульптуру и придавил «каменную» ягодицу. Сенсор уловил его тепло, и в стене открылось электронное табло. Пароль он знал в любом состоянии. В тишине едва слышно щелкнул замок. Отец Анатолий толкнул участок стены. Он легко подался и ушел в сторону.

В комнате-сейфе ничего не тронули. Все было на местах и лежало в том же порядке, в котором он все оставил в прошлую ревизию. От неожиданности святой отец сел. На душе стало намного легче.

– Чего же тебе надо было, собака? – Он вспомнил последний момент, перед тем как отключиться.

Бродяга в странном одеянии сидел напротив и говорил что-то про то, что он должен что-то сделать. А был ли бродяга? Может быть, он – продолжение все той же чертовщины, что преследовала его в последнее время? Отец Анатолий покинул комнату, чтобы не разряжать аккумуляторы понапрасну. Теперь, когда настроение его улучшилось, он позволил себе посмотреть по сторонам.

Ноги подогнулись сразу же, и вернулись рези в желудок, как только святой отец понял, что не узнает вид из окна. Его родного поселка не было. Вместо домов и улиц за окнами росли деревья. Они начинались сразу за забором и, судя по их виду, росли там много лет. Батюшка протер глаза, прочитал молитву, перекрестился. Вид за окном остался прежним. Он подхватился и перебежал в противоположную сторону

дома, в надежде, что морок на той стороне не действует.

Он действовал и там. За забором его владений начинался другой мир. Оставалась еще надежда, что мир ему только казался вследствие перенесенного обморока, который был вызван непонятной природы галлюциногеном. На подкашивающихся ногах отец Анатолий выскочил на улицу. В нос ударил влажный запах близкого леса, а слух наполнился громким лягушачьим хором. Во дворе же все осталось на своем месте. Отец Анатолий заглянул в гараж. Машина стояла на месте. Он открыл ворота гаража вручную.

Прямо перед ним был кусок знакомой асфальтовой дороги, но обрезанный ровно, словно ножом, и вставленный между двумя глубокими колеями, поросшими изумрудной травой старого проселка. В суеверном страхе отец Анатолий закрыл ворота, бросился в дом, упал под образы и принялся истово молиться. Он выпрашивал прощение, мотал сопли на кулак, клялся и божился исправиться и даже в порыве праведного гнева разбил пару бутылок хорошего коньяка.

Отец Анатолий потерял счет времени. Он только чувствовал, как силы покидают его, но не переставал убеждать свое «начальство» в том, что с этого момента встает на путь исправления. А состояние здоровья ухудшалось. Голова снова начинала кружиться. В животе появились рези. Иногда они становились настолько нестерпимыми, что святого отца начинало выворачивать наружу.

– Получай, что заслуживаешь. – Он принимал страдания с

мазохистским удовольствием.

Из – за борьбы с самим собой отец Анатолий не расслышал шаги в доме. Они раздались в комнате, где он молился. Несколько мужчин, одетых как охотники и при оружии, зависли над скорчившимся священником. Он видел их через пелену физической немощи.

– Загибается? – не столько спрашивал, сколько констатировал мужской голос.

– Иммунный свежачок. Бестолковый.

– Откуда тогда у него живец?

– Кто – то принес и не сказал, как пользоваться.

– Странно: перезагрузка была совсем недавно. Кто мог успеть?

– А ты знаешь, кто у нас живец панацеей называет?

– Нет, не слышал даже, чтобы кто-нибудь так его называл.

– Потому что ты сам еще молодой. Слышал про аристократов?

– Не в этом мире.

– Здесь они тоже есть. Говорят, что к ним можно попасть, если тебе с умениями повезло и ты их пускал в хорошее дело, а не пользовался только для собственной выгоды.

– Не верю я. На байки похоже.

– Похоже, согласен. Но среди нас никто эту гадость панацеей не зовет. Стопроцентно тот, кто побывал перед нами, не из этих краев.

– Да и хрен с ним! Хороший человек, раз оставил этому

попу эликсир. Пора его оживлять, а то глаза под лоб закатывать начал.

Отец Анатолий почувствовал, как ему бесцеремонно раздвинули железной ложкой зубы и влили отвратительно пахнущий напиток в рот. Он чуть не подавился им. Кашлянул пару раз и проглотил его. Тут же стало тепло и хорошо. В животе все стихло, и он вытянул затекшие ноги.

– Бросим? Скоро сюда набегут.

– Часок подождем. Если оклемается, возьмем с собой. Если нет – бросим. Груз нам не нужен. А пока давайте общарим богатое прибежище служителя церкви.

Святой отец слышал все, но не мог понять, что в этом правда, а что морок. Перед ним могли оказаться обычные врачи «скорой помощи», но галлюцинации могли приклеить к ним какой угодно образ – хоть чертей, хоть святых. Охотники в этом случае уместнее: вокруг – такой шикарный лес. Он решил лежать до тех пор, пока не станет адекватно воспринимать окружающий мир.

По его дому топали обутые ноги. Открывали ящики и шкафы. Для врачей «скорой помощи» такое поведение могло быть чересчур бесцеремонным. Состояние улучшалось. Отец Анатолий открыл глаз. Мир стоял на месте. Он обернулся в сторону топающих ног. Мужчина средних лет, с суровым лицом, заметил его движение.

– Ожил, батюшка? – спросил он скорее иронично, чем участливо.

– Вы кто?

– Эй, мужики! Поп пришел в себя, интересуется, кто мы есть!

По дорожному полу затопало еще несколько пар обутых ног. В комнату заглянули еще три любопытных мужских лица, и все они были суровыми. Один из них, по-видимому, самый авторитетный, вошел внутрь и присел рядом с отцом Анатолием.

– Ты как?

– Вы кто? – повторил свой вопрос батюшка. – Почему в моем доме ходите обутыми?

– Ругается – значит, в порядке, – констатировал мужчина. – Встать можешь?

Отец Анатолий был готов к худшему, но у него получилось подняться довольно легко.

– Добро пожаловать в Улей, свежачок!

Мужики рассмеялись, но не злобно.

– Что это значит?! Кто вы, и почему слоняетесь в моем доме?! Я вызову полицию! – Святому отцу было страшно при виде четырех вооруженных мужчин, но они не походили на бандитов, поэтому он позволил себе немного их припугнуть.

Его попытка припугнуть вызвала смех.

– Отец, или как тебя принято звать, батюшка, ты попал в Улей вместе с домом. Что странно: раньше кластер подгружался без него и тебя. Я и товарищи мои такого не припомним, чтобы здесь дом стоял. Выпей еще живца, и станет со-

всем хорошо. Повезло тебе, что ты один переметнулся сюда и сразу – иммунный.

– О чем вы говорите? Не пойму. Какой Улей, какой кластер? – Отец Анатолий вдохнул из горлышка бутылки и с плохо сдерживаемыми позывами вернул ее назад.

– Это... – главный мужчина постучал по бутылке, – самая главная ценность в Улье. Как говорят по-церковному, хлеб наш насущный. Пить его тебе все равно придется. А рассказывать все про Улей неверующему Фоме бесполезно. Пойдешь с нами, по дороге все сам увидишь.

– Я никуда не пойду! Это мой дом! – Отец Анатолий сложил руки на груди.

– Будь уверен, что насильно за собой мы тебя не потянем. Но оставаться здесь – это найти верную смерть.

– Особенно, такому бестолковому свежачку.

– Скажи, ты видел того, кто оставил тебе бутылку с живцом?

– Нет. Перед тем как я отключился, в доме был еще один бродяга. Тогда в бутылке была обыкновенная водка. Как в ней оказалась эта вонючая бурдомага, я не видел.

– Если не сдохнешь, то скоро ты перестанешь ее так называть. Все, нам пора. Ты с нами?

– Нет! – Борода у отца Анатолия встала параллельно полу.

– Прощай, святой отец!

– И вы прощайте. Идите с миром!

– У тебя хоть ружьишко есть? – спросил кто-то напоследок.

док.

– Мое оружие – слово Божье.

– Дай Бог, чтобы оно стреляло без осечек.

– Вернемся через три дня. Сразу скажу, что шансов у тебя один на тысячу. Если догадаешься, как его использовать, то тебе будет место в нашем отряде.

– Идите уже! Утомили!

– Почувствуешь недомогание – прикладывайся к живцу.

Вместо ответа отец Анатолий повернулся к образам и сделал вид, что поглощен беседой с Богом. Ему хотелось, чтобы эти странные люди скорее ушли. От них исходила угроза, и ему не нравились их непонятные предупреждения. Святому отцу хотелось запереться на все засовы и лечь скорее спать, проснуться на следующий день и отправиться на службу, по которой он так соскучился. Завтра все должно было встать на свои места, стать таким же, каким было раньше.

Глава 2

Вечерело. Сумерки были такими же странными, как и все прошлые события. Солнце уходило за горизонт не в том месте, где обычно. Отец Анатолий любил встречать закат, лежа на шикарной кровати в своей спальне. Отблески солнца в окнах настраивали его душу на поэтический лад. В такие минуты он или читал, или сочинял стихи самостоятельно. Например:

*К одной измученной вдове
Нашел лазейку черт паскудный
Прикинувшись крутым перцем,
Напел ей песнь под небом лунным...*

*А ей того и надо было
Чтоб кто к груди ее прижал,
И сердце, деньги и свободу —
Всё обменяла на... кинжал.*

По его собственному мнению, стихи отличались простой, но несли в себе большой душевный заряд и нравоучение. Они были сродни дворовым песням о надрыве души под грузом несправедливых обстоятельств. Стихи батюшка еще стеснялся показывать публике, но втайне ждал сигнала, когда можно будет издать сборник под псевдонимом. Он долго

придумывал себе другое имя, но потом оно само сложилось, и звучало очень поэтично: Ноталь Каштанский.

Батюшка убрался в доме. Электричество так и не подали. Становилось темно. Перед тем как отойти ко сну, отец Анатолий решил подышать свежим воздухом. Для травмированной психики нужны были полезные процедуры.

Втайне ему хотелось, выйдя на улицу, снова увидеть родной поселок. Соседей, которые вечно мешали ему. Коров, бредущих домой из стада и оставляющих на асфальте лепешки. Детей, пинающих мяч и гоняющих по улице котов. Отец Анатолий соскучился по ним и желал их видеть так сильно, как никогда раньше.

Поселка не было. Сильный запах леса снова ударил в нос. Лягушачий хор в тишине наступивших сумерек стал еще сильнее.

– Да что же такое со мной?! – Батюшка исторг из себя крик, в котором был и вопрос, и готовность к покаянию. – Верни все назад!

Лягушачий хор, казалось, услышал его и замер. Стало совсем тихо. Отец Анатолий воспринял тишину как знак свыше. Господь услышал его. Приободрившись, он пошел в сторону ворот, собираясь покаяться за ними во весь голос. Его бодрую походку остановил треск переломившегося дерева. Он увидел, как верхушка ольхи пошла вниз. Благородный порыв поутих, и вспомнились слова непрошенных гостей предупреждающих об опасности. Батюшка решил повременить

с покаянием и спешно вернулся в дом. Перед тем как закрыть дверь, ему показалось, что он услышал еще какие-то странные звуки.

С лестницы на третьем этаже открывался хороший вид на территорию перед домом. Отец Анатолий замер перед ним, высматривая в сгущающихся сумерках источник шума. Что-то мелькнуло перед забором – крупное, как корова, но более стремительное. Святой отец перекрестился на всякий случай. У страха глаза велики. Он ведь еще не уверен, есть ли то, что он видит на самом деле или же это плод разыгравшегося воображения, как при белой горячке. Алкоголики тоже видят странные вещи: то хомячков живущих в руке, то инопланетян, натянувших на себя человеческую шкуру. Отец Анатолий считал свои галлюцинации схожим помешательством. Что-то в последнее время он серьезно налегал на спиртное.

За десять минут сидения у окна больше никакого движения не случилось. Батюшка решил пройтись по дому и зажечь свечи. Тьма нервировала и пугала. Вначале он разжег лампадку под образами, потом – три свечи в кухне, на каждом пролете лестницы и в своей спальне. Ночь почти наступила. Отец Анатолий открыл окно в спальне, чтобы проветрить ее перед сном. На дворе было тихо-тихо. Батюшка оперся о подоконник и высунул голову наружу.

– Ничего... – успокоил он себя, – завтра все будет, как раньше.

Словно в ответ на его слова, с улицы раздался мощный

рык. Отец Анатолий посмотрел вниз и на своей клумбе, где росли розы, увидел нечто. Он не мог сравнить это ни с чем. Существо было невероятно страшным. Прежде всего, пугала морда. Она была похожа на сатанинскую маску и вполне бы сходилась на церковную фреску с муками ада. Огромные клыки вместо всех передних зубов были такой длины, что губы не могли их прикрыть. Тварь кровожадно щелкала ими и не сводила с батюшки взгляда маленьких глаз, угольками светившихся из углубленных глазниц. Немаленькие мышцы бугрились под темной кожей и перекачивались под ней. Тварь делала вид, будто собирается прыгнуть с клумбы прямо в окно спальни.

И она прыгнула. Мощная когтистая лапа ударила по подоконнику. Прыжка немного не хватило, чтобы запрыгнуть в окно. Тварь сорвалась вниз. Стальные когти разорвали подоконник на лоскуты. Отец Анатолий закричал и заметался по спальне. Страх породил в нем смятение. Он открыл и закрыл шкаф-купе, попытался спрятаться под кровать, но понял, что живот не позволит ему это сделать. Внизу раздался грохот и звон разбитого стекла, и спустя мгновение – знакомый рык. Святой отец в полубезумном состоянии мог действовать только инстинктивно.

Это и спасло ему жизнь. Инстинкт самосохранения упрятал его в тайную комнату, которую он специально спроектировал для хранения своих богатств. Отец Анатолий спустя несколько минут смог отчетливо понять, где он находится.

ся. Задницей нащупал пачки денег и угловатые коробки с драгоценностями. Обшарил руками стены. Нашупал выключатель. Включил свет, испугался его и сразу же выключил. Ему показалось, что неведомая тварь обязательно увидит его сквозь щели.

Топот тяжелых ног раздавался то совсем близко, то удалялся. Время от времени тварь крушила обстановку в доме. Раздавался звон и грохот.

«Только не телевизор», – думал батюшка.

За огромную изогнутую панель он отдал полмиллиона.

Святой отец молился, нашептывая молитвы. Когда тварь приближалась, его собственный шепот казался ему громким криком. Он замолкал, закрывал уши руками и старался не шевелиться. Тогда становился слышен стук сердца. Оно било в набат, сотрясая стены дома. Когда страх владел душой отца Анатолия, он терял ощущение времени. После череды состояний он совсем перестал понимать, сколько прошло времени с того момента, как он спрятался в своем убежище.

Снова начались рези в животе и тошнота. Ко всем невзгодам добавилось острое желание сходить в туалет «по-большому». Батюшка оттягивал этот процесс, как мог, но в какой – то момент понял, что больше оттягивать не может. Сходить в штаны он психологически не мог. Тварь где-то затихла. Святой отец собрал из пачек денег круглый колодец высотой в пять пачек. Скрепя сердце, нарвал на его дно из самых мелких купюр подстилку.

– Не думал я, что таким образом буду использовать свои деньги, – сокрушался батюшка.

Ему еще невдомек было, что цена его бумажкам была нулевой.

Наполненный туалет изрядно пованивал. Пришлось нарвать еще купюр и забросать ими «ароматное» содержимое. Когда шаги твари послышались рядом, отцу Анатолию показалось, что он слышит, как часто монстр гоняет носом воздух, словно принюхивается. Он испугался, что его дерьмо сможет выдать надежную «прятушку». Монстр поскреб когтями рядом, но двери не обнаружил.

Самочувствие ухудшалось. В животе горели свечи, поджаривая сердце. Мозг в полной темноте создавал причудливые галлюцинации: то сова выпрыгивала из тьмы и проваливалась в глаза, то распускались огненные цветы и стояли перед глазами, то усопшие, которых когда-то отпевал отец Анатолий, громко смеялись над ним. В какой-то миг батюшка приходил в себя, осознавал, где он, и ему становилось страшно, что в беспамятстве он шумел. Потом он снова проваливался в яркое и шумное беспамятство, основным ощущением в котором была боль.

Сквозь тяжелое состояние он услышал стрельбу и крики, а потом голоса:

– Нет его здесь! Не продержался!

– А кого тогда пас этот рубер?

– Может, и не пас. Видел, домяка какой? Я бы и сам пожил

в таком.

– Что ты хотел? Слово Божье дорогого стоит.

Отец Анатолий захотел крикнуть, но не смог. Из горла вырвалось змеиное шипение. Одной рукой он нащупал выключатель. Яркий свет вызвал резь в глазах. Батюшка подполз к двери, нажал кнопку замка и из последних сил толкнул дверь.

– Фу – у–у – у–у – у, вонища!

– Знатная заначка!

– Не иначе, хотел на тот свет забрать.

– Ага, на остановке ждал, когда подойдет транспорт до Бога.

Батюшка почувствовал, как ему снова заливают в рот знакомую вонючую жидкость. С каждым глотком по телу разливалось приятное ощущение силы.

– Он три дня без живца протянул. Бутылка не тронута была.

– Никто не проверял. Может быть, вдыхая собственное дерьмо, мы становимся намного выносливее?

Отец Анатолий почувствовал себя настолько лучше, что решил открыть глаза. Перед ним были все те же охотники.

– Во! Оживаешь, святой отец? Напугала тебя тварь?

– Кто это был?

– Рубер или мутант четвертого порядка, смотря чьей классификации придерживаться.

– Чего живец не пил? Еще полдня – и сдох бы.

– Я вам не поверил, про живец. Подумал, что шутка злая. Тухлятиной воняет.

– Все так, поначалу, погибаются, готовы сдохнуть, чем пить эту дрянь, а потом, как поймут, что она на ноги ставит, готовы друг у друга из глотки рвать. Ты хоть понял, что она тебе помогла?

– Кажется, да.

– Ты – крестник наш. Доказал, что жизнеспособен, можешь вступить в наш отряд. Отряд рейдеров.

– Возьми себе новое имя.

– А что, старое не подойдет?

– Со старым нельзя. Из человеческих имен выбирать нельзя. Выбери черту характера, которая больше всего характеризует тебя, – из нее можно сделать тебя имя. Вот я, Мотор, был автослесарем. Не черта характера, но дает понять всем, что я понимаю в моторах. Это – Глобус. – Мотор показал на молодого парня. – Учитель географии. Все понятно. Это – Сапер. Это его второе имя – перекрестили, когда у него проявилась способность чувствовать ловушки. Очень важный человек в команде. Наконец, Бугай, хотя он просит звать его Астериксом.

На Бугая последний представленный совсем не походил. Роста он был невысокого, в годах, а вот седыми усами больше походил на сказочного героя.

– Почему Бугай? – выдавил из себя вопрос еще не оклемавшийся батюшка.

– Умеет собраться и в нужный момент стать таким мощным, как бугай. Да я бы даже бугаю фору дал. Наш Бугай ударом кулака мнет броню танка.

– Да не ври уже, а то поверит, – возмутился Бугай-Астерикс.

– Да чего уж там, руберу ты засветил нормально.

– А ты, богоугодный человек, чем, кроме отвратного запаха, можешь похвастаться? Как нам окрестить тебя?

– Он и сам кого хошь окрестит.

Мужики заржали.

– Есть у тебя что-то, о чем можно будет судить о тебе? – переспросил Мотор.

– Я стихи пишу. Псевдоним у меня есть – Ноталь Каштанский.

Мужики замерли, а потом прыснули смехом.

– Нет, не пойдет.

– Может, Каштан? – предложил Глобус.

– А как понять, что из себя представляет Каштан? Таскать каштаны из костра? Чем еще они знамениты?

– Тогда – Поэт.

– С таким именем долго не протянешь. Поэты у нас не в цене.

Отец Анатолий, все еще страдая от плохого самочувствия, никак не мог взять в толк серьезность разговора. Ему было плевать на то, как к нему будут обращаться неизвестные люди. Его больше всего беспокоило то, что он непонятно где

оказался. Кто эти люди, придумывающие ему кличку? Что за тварь преследовала его, и когда все это закончится?

С каждой минутой становилось легче. Отец Анатолий нашел в себе силы сесть.

– Идти можешь? – спросил Мотор.

– Я попробую. – Святой отец приподнялся на трясущихся ногах. – Кажется, могу.

– Идем на кухню, за полчаса ставим тебя на ноги и уходим. Скоро перезагрузка.

Обстановка в доме была в плачевном состоянии. Все разбито, раскидано. На стенах – борозды от когтей. Отец Анатолий заглянул в гостиную, где стояла дорогая панель. Она лежала на полу, выпрямившаяся под тяжелым весом монстра. Сам монстр лежал в кухне. Батюшка испуганно замер, боясь переступить. Тварь, даже мертвая, вызывала у него страх. Мужики прошли мимо нее, словно не заметили.

– Не бойся, теперь она безопасна. Неплохой улов принесла она нам.

Отец Анатолий не понял, о чем речь.

Глобус и Сапер обчистили все шкафы и нашли несколько банок консервов. В основном это были экзотические фрукты, к которым батюшка питал слабость. Из серьезной еды была только банка с говяжьими языками, одна банка датской ветчины и мидии в красном вине.

– В холодильнике есть алкоголь? – спросил Глобус.

– Да.

– Зажмите носы, я быстро.

Он открыл дверцу, ловко ухватил две бутылки коньяка и тут же закрыл. Этого хватило, чтобы по кухне разнёсся тошнотворный запах разложения.

– Тебе алкоголь нужен и хороший перекус, иначе так и будешь, как овощ, вялиться. Наяривай! – Сапер открыл все банки с мясной едой и придвинул к святому отцу.

Мотор нашел три большие стопки и разлил бутылку коньяка по ним.

– Ну, для обеззараживания. – Он первым вылил в себя теплый коньяк.

Отец Анатолий через силу выпил теплый напиток. Страшная мертвая тварь на его кухне не способствовала хорошему аппетиту. Через полминуты он почувствовал, как алкоголь переборол отвращение и разжег в нем нечеловеческий голод. Содержимое банок быстро исчезало в его немаленьком животе.

– Я придумал кличку для батюшки. – Глобус шутливо посмотрел на друзей. – Рахит?

Отец Анатолий чуть не подавился. Ему показалось, что это был намек на то, что он хомячит в одиночестве.

– Угощайтесь, – миролюбиво произнес он.

– Мы сыты, – ответил Мотор. – Да и натошак легче идти. В стабе поедем от пуза. А тебе надо. Организму нужны ресурсы, чтобы перестроиться.

– В смысле? – не понял отец Анатолий.

– В том смысле, что ты теперь не такой, как прежде. Ты попал в Улей, или Стикс, как принято здесь называть, и, к счастью, оказался устойчивым к заразе, превращающей людей вот в это. – Мотор показал на дохлую тварь. – За это он наградил нас хорошей регенерацией и некоторыми сверхчеловеческими способностями. За это мы должны иметь при себе живца, чтобы не склеиться. Это ты уже понял. Видел, как недостаток живца чуть было не убил тебя, а потом быстро вернул тебя к жизни?

– Зачем этот Улей? Откуда он взялся? – Отец Анатолий мало что понял.

– Сие есть тайна. Теорий много, но какая из них правдоподобна, никто не знает. Улей – лоскутное одеяло из кусков разных мест, кластеров. Они регулярно обновляются и приносят с собой людей, которые быстро делятся на мутантов и иммунных. Первых намного больше.

– Я ничего не понимаю. Зачем это нужно?

– Пожив тут, этот вопрос ты станешь задавать гораздо реже. На первое место придет вопрос, как не сдохнуть и где достать споранов для живца.

По выражению лица святого отца можно было понять, что рассказанное не слишком ему понятно.

– Ладно, человеку, всю жизнь рассказывающему одну небылицу, труднее всего поверить в другую. Как говорится, поживешь – увидишь. А имя тебе придумать надо. Не стоит брать в отряд человека без имени.

– На первый раз можно назвать кем угодно, а потом, когда проявится характер, можно и перекрестить, – предложил Сапер. – Я ведь был Трусливым, поначалу.

– Ты хочешь сказать, что батюшку можно назвать Вонючим?

Отец Анатолий покраснел. Он принялся к своему запаху, пока сидел в тайнике.

– Я знаю, как его назвать: РЭБ, – предложил Глобус.

– Почему РЭБ?

– Радиоэлектронная борьба. Если его не отдушить, он будет прикрывать нас ароматным облаком. Все мертвяки первое время говном пахнут, пока штаны не потеряют.

– Как ты, отец, смотришь на новое имя? – Мотор посмотрел на смущенного батюшку.

– Зовите, как хотите.

– Вот и отлично! Будешь у нас Рэбом, почти Рэмбо. Добро пожаловать в отряд!

– А можно мне ванну принять и переодеться.

– Ванну – нет, а переодеться – да.

В разоренной спальне новоиспеченный Рэб нашел свой любимый немецкий пиджак и настоящие американские джинсы, державшиеся на его животе при помощи офицерской портупей. Рясу скомкал и выбросил в окно – от нее действительно смердело. Прежде чем одеться, он обтерся влажными салфетками. После этого он почувствовал себя намного лучше. Оделся в чистое и спустился вниз.

– Ни дать ни взять, мануфактурщик Савва Морозов.

– Ладно, в первом же стабе справим тебе нормальный камуфляж. Оружие есть?

– Нет. – Взгляд бывшего священника упал на распятие, вырезанное им в бессознательном состоянии в церкви. – Только это.

Он поднял крест с прикрученным к нему ножом.

– Серьезная штука! – иронично произнес Мотор. – Возьми ее только в том случае, если она греет тебе душу. Понимаешь?

– Это как?

– Подумай про крест, представь, что ты его выбрасываешь. Почувствуй, какие движения в душе происходят от этих мыслей.

Рэб был уверен, что людям просто нечем было заняться, поэтому они придумывают глупости. Тем не менее, он представил, что уходит из дома, а крест остается. Неожиданно душу защемило, как от расставания с чем-то важным. Представил, что вернулся, чтобы забрать крест, и по душе растеклось тепло.

– Греет, – удивленно произнес Рэб.

– Тогда бери. Это твой талисман.

Бугай посмотрел в окно и озабоченно произнес:

– Туман появляется. Пора сваливать.

Рэб встрепнулся. Острая ледяная игла кольнула сердце. Ему стало не по себе от мысли, что сейчас ему придется по-

кинуть свой родной дом – свою гордость и один из смыслов жизни. Уйти неизвестно куда, с незнакомыми людьми. Чувство было похожим на то, когда он попал на пункт сбора перед отправлением в армию. Сотня неизвестных людей, другой мир и тревожные ожидания будущего. Если бы не тварь в кухне, Рэб остался. Ее туша, хоть и дохлая, вызывала ужас и отвращение. С живыми людьми рядом было спокойнее.

– Уходим. – Мотор поднялся, закинул на спину тяжелый рюкзак, взял в руки «калаш» с самодельным глушителем.

Отряд собрался следом. У каждого в руках было оружие: у Глобуса – винтовка, у Сапера – автомат, у Бугая – кирка на длинной металлической ручке. Первым из дома вышел Сапер. Огляделся, принялся.

– Кислятиной уже пахнет.

– Живее! – приказал Мотор.

Рэба поставили предпоследним. Замыкал цепочку Бугай. Шли тихо, без разговоров. Рэб рассматривал мир, который неведомым образом возник вокруг его дома. Они миновали область начинающегося тумана, который действительно пах кислым, как молодая бражка во фляге у доброй женщины.

Несмотря на кажущееся миролюбие пейзажа, пение птиц, кваканье лягушек в близком водоеме, Сапер шел с предельной осторожностью. То и дело замирал, прикладывался к биноклю. Отряд останавливался и ждал, когда он начнет движение.

Шли они уже два часа. Пейзаж оставался тем же. В их кра-

ях леса вообще были редкостью, только редкие круглые пятна осинников, либо березовые рощицы по оврагам. Дышалось легко и приятно. Рэб почувствовал, как дорога израсходовала калории. Живот начал урчать громче, чем звуки леса.

– Привал, – тихо прошептал Мотор. – Бугай – на фишку. Новичка покормим – и снова в путь.

– Ты урчишь, как голодный мертвяк, – заметил Глобус. – Я подумал, что за нами пристроилась погоня.

– Он не виноват. Со всеми нами такое было вначале, – поддержал Рэба Сапер. – Акклиматизация.

Мотор скинул рюкзак и достал из него шоколадный батончик и кусок сала, завернутого в бумагу. Приложил обертку к носу и с удовольствием вдохнул.

– А – а – а-а! Чистая энергия и серотонин. Мы называем комбинацию сала и шоколада «салом в шоколаде». Это – как пинок под зад. Не было сил, и тут – бац! – хоть землю поднимай, была бы точка опоры. Рубай по-быстрому.

– Мне неудобно есть ваше. – Рэб только сейчас сообразил, что мог бы забрать из дома продукты.

– У нас и твоего достаточно. Не терзай совесть, ешь. У нас каждая секунда на счету. Твой кластер через час перезагрузится, и сюда снова волчьими тропами повалит нечисть.

Рэб откусил кусок сала и, недолго жуя, проглотил его. Организм довольно отреагировал на еду. Завывания в желудке стали еще громче.

– Человек-оркестр, – пошутил Сапер.

– Мы... куда идем? – спросил с полным ртом Рэб.

– В стаб – стабильный кластер. Там можно сбагрить ба-
рахлишко, разжиться патронами, узнать, что почем. Улей –
такой быстроменяющийся мир, что надо держать ухо вост-
ро. Слушать, о чем шушукаются за соседним столом, и, если
придется, платить за информацию.

– А здесь есть города, страны?

Все мужики из отряда разом усмехнулись.

– Здесь есть все, что хочешь, и в таком невообразимом
смешении, что лучше не задаваться вопросами, как это про-
исходит, как это работает, – лучше сразу принять этот мир
таким, какой он есть. Ответа никто не даст. Есть места, где
высоколобые парни пытаются найти ответ. Как найдут, мы
все отправимся домой. Это отличная Вера, и она придает
нам сил.

– Но должен же быть у этого какой-то смысл? Здесь есть
старожилы?

– Я здесь чуть больше года и считаюсь старожилом, – от-
ветил Мотор. – Бугай – чуть больше. Сапер и Глобус – по
полгода, и они уже считаются матерыми. Неделя в Улье для
новичка – крайний срок. За нее отсеиваются девяносто про-
центов иммунных.

– Это ужасно! Для оправдания таких жертв должна быть
достойная цель. – Рэб еще мерил мир старыми категориями.

– Ну да, как войны за Веру, – напомнил ему Глобус.

– Ты сам-то священник по вере или из-за заработка? –

неожиданно жестко спросил Мотор.

Вопрос его поверг Рэба в ступор. В мире не принято было задавать такие вопросы в лоб. Окружающие видели, что их батюшка не бедствует, промеж собой судачили о его богатствах, но напрямую никогда не высказывали претензий. Совсем наоборот – жертвовали деньги при всяком удобном случае.

– Можешь не отвечать. Сейчас это не имеет значения. Улей сделает из тебя того, кем ты есть на самом деле. Все мерзкое вскроет, как нарыв. И хорошее также даст про-
явить, – высказался Глобус.

Рэб доел сало и закусил батончиком. Голод ушел бесследно. Он на самом деле почувствовал, как сил прибавилось. Захотелось идти быстро, пружинисто. В голове отряда Сапера сменил Глобус. Прошли еще час, перед тем как лес начал редеть. На опушке Глобус присел и долго глядел в бинокль.

Впереди была дорога. С виду – обычное шоссе. Глобус поднял руку в предостерегающем жесте. Мотор дал команду лечь на землю. Рэб сразу ее понял. Приближался звук моторов. На дороге показались три легковых автомобиля. Ехали они группой. Остановились почти напротив «лежки». Из машин высыпали мужчины, женщины и дети. Они разделились на девочек и мальчиков для справления естественных нужд.

– Попались в перезагрузку. – Шепнул Бугай.

Мужчина из кортежа забрался на капот и поднял руку вверх. Наверное, искал волну.

– Покойники, – уверенно прошептал Бугай. – На такую дичь здесь все охотятся. Лакомый кусок – что для монстров, что на органы.

– В смысле, на органы? – не понял Рэб. Про монстров он уже понял кое – что.

– Нас пасут внешники. Военные – хрен пойми, каких армий. На людей охотятся исключительно ради органов. Могут и просто убить. У них приказ походу такой – зачистить Улей. Хотя смысла не вижу.

Пассажиры автомобилей загрузились в машины и продолжили движение. Когда они скрылись из поля зрения, Глобус привстал и тут же упал. Отряд поступил так же. Над головами пронеслось что-то жужжащее. Рэб поднял голову и увидел сквозь листву крестообразный силуэт летательного аппарата. Бугай жестом приказал ему не шевелиться. Через пару минут раздались взрывы.

– Вперед! – скомандовал Мотор.

Отряд поднялся и с непостижимой скоростью бросился к дороге. «Пустой» Рэб задохнулся уже на полпути. Бугай ухватил его за руку и потянул за собой. Глобус прыжком залетел на полотно дороги, резко повернул голову в обе стороны, потом посмотрел вперед, и дал отмашку следовать за ним. На той стороне дороги был совершенно другой пейзаж, как будто дорога разделяла собой две природные зоны. Впереди было редколесье, свойственное заболоченным местностям. Даже запах здесь был иной: в воздухе осязаемо при-

существовал сероводород.

– Иди вслед, – посоветовал Бугай. – Это болото. Стремное место, в плане прогулок.

Глобус нашарил в кустах слегу и, пробуя ею дорогу перед собой, осторожно ступил в болотную тину. Рэбу стало жаль дорогих ботинок. Тина и ряска дошли до края ботинок и перелились внутрь. В обуви зачавкало. Метров через двести от дороги появились первые клочки тумана. Он густел на глазах, поглощая звуки и свет. Скоро весь отряд оказался, словно в молоке. Тяжелые болотные испарения раздражали нос. Иногда слышались булькающие звуки выходящего на поверхность газа. Когда выходил большой пузырь, они не булькали, а напоминали отрывку гиганта. Рэб рефлекторно замирал, когда эти звуки раздавались рядом.

Через час стало понемногу проясняться. Только болотные кочки закончились, перед отрядом раскинулась ровная водная гладь. Туман над водой был реже, но другого берега все равно не было видно. Глобус нагнулся и набрал в руку темной воды, обтер руки и умыл ею лицо.

– Что он делает? – шепотом спросил у Бугая Рэб.

– Здесь сотня метров до острова по чистой воде. В этой воде живет монстр. Этот кластер медленный, и он уже сожрал всю живность в нем. У нас же все по приметам. Умылся водой, задобрил духа – и можешь надеяться, что он позволит тебе перейти.

– А люди что, в водяных могут превратиться?

– Ну, ты даешь! Не только люди, кто угодно. Здесь неподалеку есть тропический кластер, мы считаем, что местный монстр оттуда. Не то питон, не то анаконда – не силен в гадах. Пригрелся тут на харчах местных, подрос.

– А этот кластер медленный? – поинтересовался Рэб.

– Очень. Кроме нас, здесь никто не ходит. Пытались, но никто не вернулся.

Рэб побледнел. Сапер и Мотор заметили это.

– Бугай, хватит человека пугать! Ты же знаешь, всякая тварь страх чувствует.

Глобус тем временем вошел в воду по пояс и, проверяя дно слегой, направился вперед. Все замерли. Водная поверхность была спокойной. Рэб хотел ее назвать мертвой, но испугался такого сравнения. Где-то сзади снова сыто рыгнул газовый пузырь. Рэб— единственный кто дернулся, из всего отряда. Фигура Глобуса таяла в тумане. Он двигался бесшумно и был похож на бесплотный призрак больше, чем на человека.

Глобус пропал в тумане. Мотор выждал несколько минут и отправил следом Сапера. Тот поднял руки вверх, как будто собирался зайти в воду по шейку. Его передернуло – то ли от страха, то ли от холодной воды. Двигался Сапер так же бесшумно, как и его предшественник.

– Мы с тобой идем вместе, – предупредил Мотор Рэба.

Новичку полегчало. Он боялся в тумане потерять ориентир. Но не только поэтому. Рэбу до колик было страшно ид-

ти одному. Он знал, что его разыгравшееся от страха воображение сможет преподнести ему всякие сюрпризы.

– Спасибо! – поблагодарил командира Рэб.

Тот посмотрел на него немного странно.

– За это не благодарят, – ответил Мотор.

Сапер скрылся. Мотор сделал несколько шагов и жестами приказал Рэбу следовать за ним. Вода была очень холодной. Где-то били родники. Дно в отличие от остального болота было плотным. Рэб почти не смотрел по сторонам. Он пялился в спину Мотору. Так было не страшно. Стоило повернуть взгляд в сторону черной водной поверхности, как начинало казаться, что она волнуется под движениями мощного тела монстра. Мысли непроизвольно за цикливались на одной: «Почему я?»

Из тумана показался берег. Сапер ждал их и махнул рукой. Мотор ответил таким же жестом. Рэб непроизвольно прибавил шаг. Захотелось быстрее ступить на берег, где безопасно. Мотор обернулся и вначале показал ему кулак, а потом указал где замереть. Рэб встал как вкопанный, излучая взглядом молчаливое смирение. Через несколько шагов Мотор разрешил ему продолжить движение. Когда Рэб смог ступить на берег, он осознал, какую психологическую нагрузку ему пришлось вытерпеть. Кровь стучала в висках, ладони мелко дрожали.

Глобус уже устраивал привал. Сапер помогал ему, а Рэб бесполезно суетился рядом. Мотор остался на берегу ждать

следующего члена отряда. Никто из отряда не разговаривал, да и место явно не располагало к разговорам.

На острове было тихо. Туман создал вокруг острова шапку непроницаемости для звуков и света. На дворе был день, но казалось, что сумерки. Солнце совсем не просвечивало сквозь плотный туман над островом. С определенной долей воображения легко было представить, что остров посреди болота – единственное, что существует на самом деле.

Пришли Мотор и Бугай. Значит, переправа прошла удачно. Командир скинул рюкзак и достал из него небольшую спиртовку. Разжег ее и поставил на нее солдатский котелок с водой. Вода закипела. Мотор бросил в нее заварку. К болотному запаху примешался аромат черного чая. Все происходило молча, как в немом кино. Люди не производили шума, движения их были выверенными и необходимыми. Рэбу поднесли кружку с чаем и шоколадный батончик. Он молча принял и поблагодарил новых товарищей одними глазами.

После холодной воды и нервного перенапряжения Рэба бил легкий озноб. Горячая жидкость приятно согрела внутренности. Тут Глобус стукнул себя по лбу и вытащил из своего рюкзака бутылку – ту самую, которая оказалась в доме Рэба после того, как тот потерял сознание. Жестом Глобус показал сделать глоток. Новичок успел свыкнуться с мыслью, что вонючая жидкость есть необходимое зло и оно, в конце концов, несет избавление. Коричневое пойло быстро успокоило трясучку. Стало намного легче, и дурные мысли

выветрились из головы. Чай приобрел насыщенный вкус.

Рэб огляделся и увидел, что на острове есть следы пребывания людей. Консервные банки, пакеты, угли. Мотор перехватил его взгляд, постучал по голове, потом сложил руки на груди и посмотрел в небо. Рэб все понял. Неосторожные отдыхающие отправились на небо. С командой Мотора он чувствовал себя в безопасности. Командир отряда вызывал в нем уверенность опытного, знающего человека, которому можно довериться.

Рэб почувствовал, что его мочевой пузырь набрался всклянь. Отряд еще перекусывал, и, чтобы не портить им аппетит, он встал, чтобы отойти. Мотор показал ему отойти на три шага. Рэб отошел немного подальше. На острове торчали кочки, образованные многолетними корнями осоки. Рэб пристроился к одной из таких, чтобы снизить шум от падающей струи. Пока горячая влага покидала организм, он рассматривал пейзаж. Метрах в четырех от него лежал ствол грязного дерева. Его как будто специально таскали по грязи, чтобы она налипла на нем, а потом бросили. С какой целью притащили сюда бревно? На острове не было своих деревьев, значит, его надо было тащить по воде, потом долго катать в грязи. Рэб предположил, что бревно могло стать приманкой для болотного монстра. Хотя как осуществить это практически, он не знал. На то он и новичок.

Рэб по привычке резко дернул молнию на ширинке. Ее звук показался очень громким. Новичок обернулся к отря-

ду с извиняющимися глазами. Ухо уловило какой-то шум справа. Рэб обернулся и увидел, что бревно двинулось. Отряд вскочил на ноги и замер. Хватило секунды понять, что «бревно» здесь новичок, не уяснивший правил осторожности, необходимых для выживания в смертельном мире. В воздухе разнесся звук, похожий одновременно на рычание и шипение. «Бревно» активно задвигалось.

Рэб на цыпочках пошел к отряду. Его товарищи во все глаза смотрели по сторонам. Мотор вскинул рюкзак на плечи, остальные последовали его примеру. До Рэба им не было дела. Их жизням угрожала смертельная опасность. Бугай перехватил кирку. На границе тумана слышались неясные звуки и шорокдвигающегося массивного тела. Идти в воду было бесполезно. Тварь поняла, что на острове появилась добыча. Вопрос был в том, кто кого перехитрит.

Мотор решил отвести группу в часть острова, противоположную месту, где шумела тварь. Замыкающим поставили Рэба. Он понял, что заслужил честь быть съеденным первым. Страх и жалость к себе сковали разум. Рэб рефлекторно двигался за маячившей впереди спиной. Спина и затылок холодели в ожидании нападения. Рэб обернулся и увидел ее. Тварь – адское создание, выдуманное человеческими страхами, – догоняло их, двигаясь зигзагами. Голова ее с обильными костными наростами, усугубляющими страх, была размером с автомобиль. Из пасти вниз торчали два клыка, выступающие далеко за пределы нижней челюсти. Пара глаз,

цепких и холодных, смотрела прямо на Рэба. Позади головы ритмично двигалось тело в роговых наростах. Ритмичные движения завораживали и гипнотизировали.

Рэб понял, что ему надо предупредить отряд. Он поднял самодельный крест перед собой и закричал, что было сил. Крик исторгнулся из него, освобождая тело от страха.

– В разбег! – крикнул Мотор.

Отряд тут же бросился врассыпную. Его члены разбежались в разные стороны: так у них была возможность выжить поодиночке, если тварь решит погнаться за кем – то одним. Рэб кричал на каком-то ультразвуке. Монстр решил начать с него. За жертвой не надо было гнаться, и своим криком она прекрасно определяла свое местоположение, что для монстра, родившегося из змеи, было очень удобно.

Страх раздирал Рэба изнутри. Хотелось жить, и жить по-настоящему. За секунду до смерти он понял, что не к тому стремился. Радость жизни была в другом. Вдруг он почувствовал, как сознание начало покидать его тело. Рэб увидел себя со стороны. Увидел и монстра. Его тело кричало перекошенным от страха ртом, но было беспомощно предотвратить очевидное. Бестелесный наблюдатель двинулся навстречу монстру, чтобы встать на пути. Глаза двойника Рэба поймали взгляд монстра. Рэб почувствовал, что его глаза – это ворота в мозг твари. Двойник провалился в глаза монстра и почувствовал себя способным управлять телом чужого существа. Он ощутил дикий голод и вожделение от осо-

знания того, что скоро пища захрустит у него на зубах и теплым мешком провалится в желудок.

Сознание Рэба остановило тварь прямо перед своей кричащей физиономией. Велико было искушение проглотить лакомый кусок, но Рэб нашел в себе силы развернуть ползучее тело прочь. Окунулся в воду и погнал его подальше от острова. Он увидел бегущего Бугая и рефлекторно последовал за ним. Мужчина обернулся и понял, что выхода у него, кроме как мужественно принять смерть, больше нет. Он вынул кирку и замер с ней, в ожидании схватки. Рэб отвернул в сторону и прополз мимо изумленного члена своего отряда. Он гнал чудовище прочь от острова, где билось в истерике тело новоиспеченного гражданина Улья, Рэба.

Туман редел. Органы осязания почувствовали тепло от нагретых солнцем предметов раньше, чем их увидели глаза. Тело отреагировало на тепло. Монстр любил греться на солнце. Мощное тело тараном вломилось в кустарник, проползло по нему с десятков метров и выбралось на ровную местность. Впереди, в отвалах красной глины, виднелись два мощных бульдозера. Рэб направил тело монстра к ним. Местность была отличной от болота, и это навело на мысль, что это другой кластер.

Рэб произвёл несколько движений телом монстра и мгновенно, без всяких ощущений, снова оказался в своем теле. В руках были пучки травы и грязи, сам он был сильно испачкан. Горло саднило (последствия истеричного крика). Что

произошло с ним только что, Рэб не мог понять и осознать. Он стоял посреди туманного острова, совсем один, и ему было страшно до жути.

Глава 3

– Мото-о-о-ор! – Закричал он. – Буга-а-а-ай! Я зде-е-е-есь!

Если его и слышал кто-нибудь из отряда, то вряд ли бы пошел на голос: орущий свежачок – отличная приманка для мутанта. Рэб бегал по острову взад и вперед. Плана в метущемся рассудке не было никакого. Только паника и страх – суеверный, первобытный страх. Он совсем потерял ориентир, иначе непременно вернулся бы тем же путем, которым пришел сюда. Он знал одно место, где относительно безопасно. Это секретная каморка в его доме. Он мог там отсидеться.

Постепенно он устал метаться. Рэб уселся на сырую землю, обхватил голову руками и зарыдал. Плач, как ни странно, успокоил его и позволил немного пошевелить извилинами. Рэб нашел четкие следы, оставленные в грязи армейскими ботинками. Ему хватило наблюдательности определить место, где отряд зашел на остров. Слега валялась неподалеку. Рэб взял ее и, промерив дно, сделал первый осмысленный шаг в холодную воду.

Он пересек открытую воду без последствий. Хотелось верить, что странный сеанс управления монстром не привиделся ему в бреду и теперь страшный мутант скребет брюхом совсем другие места.

По болоту идти было труднее. Слега часто проваливалась в жижу, и каждый шаг приходилось делать со стопроцентной уверенностью, что болотное дно удержит тебя. Игра в «Найди место для шага» отключила все остальные мысли. Пару раз Рэб делал неверный шаг и падал в воду. Он заранее предусмотрел такой вариант и успевал перехватить слегу, чтобы она легла поперек. Опирался на нее и выбирался на устойчивое дно.

Болото тряслось под его шагами. Трясина держалась на растительных остатках, как на амортизаторах, и колебалась под тяжестью Рэба. Болото чавкало, расходилось волнами и пугало скрытой под ряской неизвестностью. В животе начались знакомые рези. Его живец убежал вместе с отрядом Мотора. Совесть кольнула Рэба за то, что он так легкомысленно подставил отряд. Хорошие люди. Среди них он выглядел инородно. Сможет ли он прожить в Улье столько, чтобы стать одним из членов отряда, которого будет не зазорно брать с собой на опасную работу? Рэбу казалось, что в таком опасном мире его место или в отшельниках, подальше от всех – и людей, и мутантов, – или в каком-нибудь спокойном месте, где риска никакого, но и потребности на том же уровне.

Рэб остановился, потому что услышал непривычный шум. Не бульканье пузырей, не чавканье под ногами – другой, сразу пославший сигнал опасности в мозг. Рэб замер. Звук был похож на урчание голодной собаки, стерегущей кусок мяса.

Урчание сопровождалось громкими всплесками. Кто-то топал по воде, не заботясь о безопасности. Крест с ножом у Рэба был протиснут за ремень за спиной – наискосок, чтобы лезвие не скребло по затылку. Он прикидывал, чем лучше встретить опасность – слегой или крестом. Оставил слегу, чтобы удержать дистанцию.

Из тумана показалась фигура. При виде Рэба она дернулась и прибавила шаг. Урчание стало громче. Страх гулял от пяток к голове. Руки взмокли, на носу появилась испарина.

– Да как же ты не утоп? – прошептал Рэб.

Фигура приблизилась и стали различимы детали. Это был мужчина. Рэб узнал его по одежде. Тот самый мужчина, который ловил волну, когда кортеж из трех автомобилей остановился. То, что этот мужчина уже не человек, Рэб понял по его лицу. Нечеловеческий взгляд. Открытый рот, сдвинутый в сторону, как при переломе челюсти. Походка у существа была нетвердой. Он как будто на каждом шаге оступался, но не падал. Рэб выставил перед собой слегу, отвел руки немного назад, чтобы ударить в лицо существу.

Мутант ускорился и заурчал еще громче. Аппетит при виде Рэба разыгрался у него не на шутку. Он вышел на дистанцию удара. Рэб толкнул слегу вперед. Она попала под нижнюю челюсть. Монстр потерял равновесие, упал навзничь. Лежать он не стал и сразу же вскочил. Болотная жижа стекала с него. Взгляд жадно сверлил Рэба. Он снова резко дер-

нулся. Реб ткнул еще раз и промахнулся. Монстр ухватился руками и зубами за слегу и попытался выместить на ней нечеловеческую злобу. Реб дернул ее назад, и получилось, что он подтянул к себе мутанта. Тот отпустил палку и бросился к Рэбу.

На первом же шаге его нога провалилась. Существо не обратило на это внимания. С упорством алчущего оно провалилось и второй ногой. Реб огрел слегой сверху, прямо по голове. Удар не произвел никакого эффекта. Мутант порывался вырваться из ловушки, но чем больше он дергался, тем сильнее болотная жижа затягивала его. На помня себя от страха, Реб методично вбивал существо в грязь. Он сбил ему всю кожу на голове и проломил череп. Черная жижа, не похожая на кровь, смешалась с болотной водой. Мутант сдох раньше, чем трясина поглотила его.

Итогом борьбы за жизнь стала сохраненная жизнь и полуманная пополам слегы. Реб отдышался, восстановил пульс и, промеривая обрубком слегы, продолжил путь. Край болота оказался рядом. Туман рассеялся, и он увидел знакомую дорогу. Реб вышел в другом месте. Как раз там, где летательный аппарат настиг три легковушки. Развороченное взрывом обгорелое железо еще дымилось. Теперь Реб знал ориентир и мог дойти до дома.

Он двинулся правее, чтобы найти следы там, где отряд перешел дорогу. В любой момент при появлении постороннего шума Реб готов был метнуться в туман болота. К счастью,

больше его не потревожили. Следы нашлись сразу. Вдавленная рельефной подошвой грязь хорошо бросалась в глаза. Рэб осмотрелся, не увидел ничего подозрительного, перебежал дорогу и, не останавливаясь, побежал в лес. Там вскоре отдышался и пошел искать родной дом.

Ему казалось, что дорогу он помнит. На самом деле, лес был одинаковым, и все места казались знакомыми. Следы давно потерялись. Рэб двигался по наитию. Солнце клонилось к закату, и Рэбу угрожала перспектива провести ночь в лесу. Этого он не хотел. Уже сейчас, в начинающихся сумерках, было страшно. Длинные тени раскачивающихся деревьев и ветвей играли злую шутку с воображением. В боковом зрении все время что – то двигалось. Из-за этого Рэб все время вертел головой. Он вспомнил слова Мотора о перезагрузке кластера, в котором был его дом, и о том, что туда должны были направиться окрестные мутанты на прокорм. Эта мысль пугала, заставляя спиной чувствовать опасность.

Лягушачий хор напомнил ему о том, что рядом с домом он тоже был. Небольшое заболоченное озерцо по ту сторону дороги от его дома, спрятанное в разросшихся кустах ивняка. Солнце село за верхушки деревьев и едва просвечивало сквозь них кроваво-красным диском. Рэб признал озеро. Сердце тревожно забилося. Домой, домой, вернулся домой! Как будто с фронта вернулся!

Рэб раздвинул кусты у дороги... и замер на месте. Вместо его коттеджа стояла избушка в один этаж. Аккуратная,

с ухоженным палисадником, окна отделаны деревянным орнаментом, на крыше – резной конек. Вместо кованого забора, опирающегося на колонны из красного кирпича, – некрашенный штакетник. Перед забором – лавочка, как для старушечьих посиделок. Света в доме не было.

Рэб вспомнил о том, что ему говорили, что во время прежних перезагрузок здесь вообще домов не было. Выходит, в этот раз загрузили что-то другое.

«Плохо, что это не мой дом; хорошо, что в нем нет дохлого монстра», – решил Рэб и сделал шаг в сторону жилья.

Калитка бесшумно открылась. На петлях были видны следы свежей смазки. Весь двор был поделен квадратами и прямоугольниками грядок. Самую большую часть занимали зеленые кусты картофеля. Были здесь и разросшиеся плети огурцов, подвязанные к палкам кусты помидоров, перец и баклажаны. У самого забора – пять кустов черной смородины, а перед входом в дом – куст черемухи. Правильное расположение: черемуха отгоняет насекомых, чтобы не лезли в дом.

Рэб подошел к дверям, и его взгляд упал на цепь с ошейником, выглядывавшую из-под крыльца. Ошейник был в крови. Было ее много и на земле. Рэб заглянул под крыльцо и увидел свежие окровавленные кости с остатками шерсти. Мысль о том, чтобы, зайти в дом, показалась ему преждевременной. Рэб вынул крест и прежде решил обойти двор и заглянуть в сарай. По дороге Рэб сорвал два помидора и

быстро их съел. Организм требовал пищу покалорийнее, но и это могло ненадолго заглушить голодные спазмы.

О хозяйстве владельца дома можно было судить относительно. Сараи были пусты. В самом большом было много крови и обглоданная до блеска коровья голова. На открытой карде лежали кости поменьше. Кажется, это были козы или бараны. С таким противником, который может за раз столько съесть, Рэб не хотел встречаться. Ему казалось, что спокойнее встретить ночь в доме.

У сарая ему попался хозяйственный инструмент: лопаты, грабли, мотыги и большой тяжелый колун. Лезвие его было изготовлено из куска вала отбора мощности трактора, судя по продольным зацепам. Рукоятка из куска трубы была прямой и длинной. Рэб взял ее в руки. Тяжелая вещь! Ею можно расколоть любой чурбак, даже с кучей сучков. Он убрал крест за спину, а в руки взял колун. С ним было намного спокойнее.

Дверь в дом была открыта. В нос ударил знакомый запах мира, горелых свечей и ладана. На спинке стула лежала сутана. Кажется, в этом доме жил коллега Рэба по прежней жизни. Куда он делся? Не сидит ли с двустволкой за шкафом? Не ждет ли, в кого спустить дуплетом? Рэб нечаянно задел стеклянную банку. Та звонко стукнула о следующую. Сразу же раздался утробный рык, и из комнаты, прикрытой шторой, выскочил мертвяк в рясе. Рэб остолбенел: мутант походил на него, как родной брат, только худой. Выглядел двой-

ник не таким беспомощным, как тот мертвяк на болоте. Борода его была в крови, взгляд светился голодом, движения были резкие и точные, совсем не заплетающиеся. Времени на анализ ситуации не было совсем. Рэб рубанул с ходу в лоб двойнику. Череп хрустнул и проломился. Мутант по инерции пролетел вперед и чуть не свалил Рэба с ног. Он упал и задергался. Рэб не стал ждать, когда из – за спины налетят родственники мутанта, а может быть, и он сам, а развернулся и приготовился встретить кого угодно.

На шум никто не пожаловал. Рэб закрыл входную дверь и осторожно обошел все комнаты. Больше никого не было. В доме с образами Рэб почувствовал себя намного лучше. Пусть это и не его дом, но все как-то привычно. Первым делом он проверил холодильник на кухне. Тот почти нагрелся до комнатной температуры. Алкоголя в нем не оказалось. Сто граммов, а то и двести даже самой сивушной водки ему не помешали бы. А после этого он с удовольствием бы съел кусок мяса – в любом виде.

У его двойника вкусовые пристрастия были совсем другими. В холодильнике лежали три яйца непонятной свежести, очищенная половинка лука, несколько слив и большое количество солений и варений, изготовленных из продуктов с собственного подворья. Рэбу хотелось животного белка. Он чувствовал, как его организм тратит его в больших количествах. Он вынул из холодильника куриное яйцо и разбил его в чайную чашку. Яйцо было свежим. Не задумываясь, Рэб

выпил его, а вслед за ним – второе, и третье. Открыв банку с овощным салатом, он большой ложкой принялся быстро набивать желудок.

Взгляд его упал на ручку, прикрученную к половым доскам. С чего бы на полу делать ручки? Рэб потянул за нее. Оказалось, что это была сделанная вровень с полом крышка в подпол. Небольшой погребок, существующий в старых деревенских домах. Тьма почти не позволяла рассмотреть, что в нем было. Да еще и страх неизвестности. Рэб закрыл окна шторами, нашел свечу и спички, зажег ее и проверил погреб. Вдоль стен, на деревянных стеллажах, подернутых плесенью, стояли ряды банок, на полу стояли два мешка, в которых, судя по форме, была картошка или свекла. Рэб вытянул трехлитровую банку, как ему показалось, с компотом.

Сладкого тоже хотелось. Кухонным ножом проделал треугольную дыру в крышке и плеснул компота в кружку. Сомнения в том, что это именно компот, появились, когда Рэб почувствовал знакомый запах самогонки. Поднес к носу кружку. Точно – самогон на ягодах. Чрезвычайно полезная вещь в умеренных количествах. Рэб выдохнул в сторону и приложился к кружке. Глотку обожгло, но он все равно допил до дна, затем поставил на стол кружку и довольно выдохнул. Рэб попробовал вспомнить, с какого момента он не чувствовал себя так хорошо. Выходило, что с тех пор, как ему стали являться непонятные тени, звуки и прочие провокации, он жил в напряжении. Странно, что сейчас, убив

полчаса назад человека (или почти человека), он чувствовал себя спокойно, уверенно, будто снова зажил какой – то наполненной жизнью.

Алкоголь успокоил досаждавшую все сильнее ноющую боль в теле. Успокоившись после пережитого за день, Рэб почувствовал, как силы покидают его. Ноги подгибались, веки налились свинцом. Еще миг, и он мог упасть на пол и уснуть. Ему хватило сил найти в доме матрас, бросить его в погреб и заночевать в нем.

«У каждого человека должна быть в доме своя секретная комната», – решил Рэб.

Перед тем как уснуть, он подумал, что неспроста в этом месте появляются его двойники. Был в этом смысл, который он не мог понять сейчас, но надеялся, что в будущем правда обязательно откроется. Рэб чувствовал, что Улей для него заслуженное наказание. Молитвами и деньгами здесь откупиться не получится. В этом была хоть какая – то конкретика. Желание избавиться от груза настроило бывшего священника на решительный лад. Но это завтра, а сегодня ему смертельно хотелось спать.

Среди ночи его разбудил топот. Вначале он подумал, что это подкованная лошадь ходит возле дома. Но звук доносился со двора, лошадь сама не смогла бы открыть калитку. Потом что-то тяжелое ударило по крыше. Листовое железо зазвенело под тем же цокотом «лошади», а деревянные перекрытия застонали под ее тяжестью. Рэб перестал дышать.

Ему стало понятно, что лошади по крышам не скачут. По привычке на ум пришли молитвы. Он проговаривал их в уме скороговоркой, не особо вникая в суть. Из всех органов чувств только слух помогал следить за тварью. Почувствовала ли она его или бродила здесь случайно? Какая она из себя? Хватит ли у него сил справиться с ней? То, что она прыгучая, Рэб догадался. По грохоту от приземления на крышу, он понял, что мутант не пользовался лестницей.

Дорогие наручные часы показывали четыре часа ночи. Адреналин выбил из организма остатки сна. Рэб констатировал, что ему стало хуже. Кожа горела, как при высокой температуре. Внутренности болели, и от этого возникала тошнота. Мысли были неясными, забегали одна за другую, и каждая новая была депрессивней предыдущей.

Часовая стрелка еле двигалась. Тварь на крыше не хотела уходить. Она стучала звонкими копытами по железу, наполняя душу Рэба дурными мыслями и предчувствиями. Рэб понял, что если этот стук продлится еще час, он потеряет рассудок и выскочит из дома сразиться с мутантом. Ему будет плевать, как тварь выглядит; будь она хоть конём, хоть чертом, страх перейдет тот рубеж, когда он станет невыносимым. Жаль, что у него нет огнестрельного оружия. С ним бы он чувствовал себя намного спокойнее.

Снаружи раздался крик. Нечеловеческий, очень мощный. Он не походил на крик ужаса, скорее это был рев, но на более высоких частотах, чем у хищников. На крыше раздал-

ся грохот, потом – удар о землю, сотрясший погребок, а потом цокот шустро удалился. Через мгновение раздались звуки борьбы. Удары, рыки, завывания и даже хруст. Рэбу хотелось верить, что борцы ломают друг другу кости.

С минуту звуки борьбы были весьма громкими, но потом стали смолкать. Борцы выдохлись или же кто-то одержал победу. Перед тем как всё стихло, окрестности огласил тоскливый вой, похожий на предсмертный. Рэб выждал полчаса. Отсутствие эликсира здоровья он хотел компенсировать алкоголем, который оставил на кухне. Избавившись от недомогания, он надеялся на умные мысли, которые подскажут ему план дальнейших действий.

Самогон нагрелся и еле проваливался в глотку. Он принес облегчение, но совсем не то, на которое рассчитывал Рэб. Кожа горела и стала чувствительной. Салат из открытой банки угомонил голод. Рэб поправил крест за спиной, перехватил колун и вышел на улицу.

Утро стояло раннее и свежее. Сырость успокоила кожу, а свежий воздух прочистил мозги. Рэб пошел проверить итоги борьбы, надеясь, что её участники ослаблены и он сможет вступить с ними в схватку. Его оружие было способно на многое, если удачно приложиться. Крыша дома была измята копытами мутанта, на дорожке перед домом отчётливо виднелись глубокие следы. Рэб проверил, не раздвоенные ли они, на самом деле опасаясь встретить черта: Улей и Ад могли быть синонимами.

Рэб прошел сквозь проломленную дыру в заборе и сразу же наткнулся в траве на двух существ. Первым желанием было дать деру. Две огромные, отвратного вида туши лежали рядом. Их вид был настолько отталкивающим и пугающим, что пробирал до самого необъяснимого суеверного страха. Рэб взял себя в руки и перехватил колун. Он обещал себе, что пройдет путь, как бы ни хотелось свернуть с него.

Одно существо, с серой кожей над бугрящимися мышцами, походило на оборотня. Остатки серой шерсти над лопатками, вытянутая по-волчьи пасть с клыками, как у тираннозавра. Это существо было мертво. Грудная клетка разорвана, и в ней было почти пусто: ни сердца, ни легких. Только кровавые сгустки и лохмотья мышц, свисающие с ребер. Второе существо (тот самый «черт» или «лошадь») было ещё живо, но выглядело совсем плачевно. Шея у него была разорвана, и из нее при каждом вздохе с бульканьем вытекала черная жидкость. Существо часто и тяжело дышало. Рэб решил, что «черт» произошел от человека и находился на более высокой ступени эволюции, чем «оборотень». Это было видно и по большей массе, по костяным пяткам, по роговому панцирю на спине и голове. Верхняя часть туловища выглядела чуть более развитой, чем нижняя. Руки казались толще и длиннее ног. Пальцы заканчивались мощными когтями. А челюсти, казалось, могли перекусить рельсу.

«Черта» надо было добивать. Рэб подошел к его голове и примерился к костяной черепушке монстра. Тварь будто

почувствовала, что ее собираются лишить жизни, открыла один глаз и посмотрела на Рэба. Ее взгляд был таким же страшным, как и внешность. Рэб чуть не выронил топор. Ему показалось, что издыхающая тварь приказала ему сделать это. Рэб отогнал наваждение и замахнулся. Монстр вытянул вперед лапу и потянул себя за ней, пытаясь вот так неуклюже избежать смерти. Рэба даже тронуло его упорство. Но он дал себе слово. Колун пробил костную пластину и вошел в голову. Черная кровь брызнула струйками из-под топора. Тварь дернулась и замерла. Открытый глаз потух и смотрел на Рэба без всяких эмоций.

Рэб вынул из башки убитого им монстра свой колун, сел на тушу, оперся о рукоять топора и отключился. Организм вошел в режим энергосбережения. Психологический стресс и физическая усталость, помноженные на акклиматизацию к Улью, быстро расходовали собственные силы и эффект от живца.

Рэб пришёл в себя, когда его ткнули в плечо.

– Ты, бля, Илья Муромец, так и будешь сидеть, пока не сдохнешь?

Рэб открыл глаза и попытался вскочить, но упал: затекли ноги. Перед ним стоял мужчина в грязном камуфляже, с черной повязкой, закрывавшей глаз. За спиной у него торчал ствол, а в руках был нож. Мужчина смотрел на беспомощного Рэба со снисходительной улыбкой.

– Пират. – Мужчина протянул руку, помогая Рэбу под-

няться.

– Ой-ой-ой! – застонал Рэб.

В ноги будто воткнулись сотни игл. Пират опустил Рэба на землю.

– Лежи, пока, восстанавливай кровообращение.

– Спасибо! – ответил Рэб. – Меня Рэб зовут.

– Это ты их уработал? – В голосе Пирата сквозило уважение авансом.

– Сами друг друга уработали, я только добил этого, с копытами.

– Топотун называется. Ты сколько здесь?

– Недели нет еще.

– Свежий, а трофеи у тебя, как у опытного.

– Какие трофеи?

– А то не знаешь! Ты же до сих пор живой? Живчик, поди, пил, чтобы не окочуриться?

– Пил. Не знаю только точно, как он у меня оказался. Потом моя бутылка ушла вместе с отрядом Мотора. Монстр пугнул, все разбежались, а я вот вернулся домой.

– Этот, что ль, твой дом? – Пират махнул в сторону избушки.

– Нет, у меня другой, но на этом месте стоял.

– Понятно, перезагрузка кластера. Эти редко выясняют отношения между собой, а тут сцепились. – Пират показал единственным глазом на трупы мутантов. – Матерый лотерейщик, из волка, за лосихой шел, завалил ее, а тут, на беду,

топотун. Тебя, что ль, сторожил?

– Наверно. Я в погребе сидел. Думал, что спрятался.

– Счастливчик! В доме алкоголь есть?

– Да, в кухне банка трехлитровая, на столе стоит.

– Ноги отошли?

– Покалывает еще, и мутит сильно.

– Потерпи, сейчас сделаем живчик, и станешь как новый. – Пират помог подняться Рэбу и, поддерживая его, направился в дом. – Странный кластер, бесполезный какой-то. Сколько раз мимо хожу, не вижу в нем смысла. Избушку тут первый раз вижу, до этого только лес был, да и какой, к черту, лес – кусты одни!

– Хозяин? – спросил Пират, когда увидел труп в доме.

– Да. Зараженный, – пояснил Рэб.

– Твой домик, говоришь, на этом месте стоял? Хозяин – вылитый ты, стройнее только.

– От Мотора я слышал, что такое возможно.

– Еще как! Я специально ходил к своему кластеру под перезагрузку, чтобы себя увидеть. Моему двойнику все время не везло: всегда заражался. А глаза как не было, так и не стало.

– До Улья потерял?

– Да. Если б здесь – глядишь, и вырос бы. Зато Улей компенсировал мне недостаток глаза.

– Как же?

– Я своим одним работаю, как биноклем. Захотел – при-

близил, захотел – отдалил. Удобно.

– Точно, такой бинокль не потеряешь.

Парочка добралась до кухни. Рэб сел на стул. Ему легчало, но только то, что касалось ног. В остальном все становилось только хуже. Пират заметил это. Проверил все навесные шкафчики.

– О! Кагор, кровь Христова. Из него я живчик еще не делал, заодно и бутылка с пробкой. Ты как к кагору относишься? Пробовал?

– Частенько. – Рэб не стал признаваться, что сладкое церковное вино было его рабочим инструментом.

Пират поставил бутылку на стол. Вынул из кармана кисет и рассыпал по столу шарики серого цвета. Рэб вопросительно посмотрел на них.

– Чё зыришь, глаза пузыришь? Про спораны не слыхал еще?

– Что-то слышал, но не видел еще ни разу. Где их брать?

– Вот человек! Завалил двух монстров, а где взять спораны, не знает! В мутантах, понятное дело! Они – источник нашей жизни. И чем сильнее мутант, тем больше в нем этого нектара жизни. Кроме этих шариков, в них еще и горох бывает, и жемчужины. Но это в слишком сильных. – Пират выудил из кармана желтый шарик. – Это горох, твоя доля, кстати.

– Что с ним делать?

– Растворишь в спирте или уксусе, раствор отфильтруешь

и выпьешь. Сил дает больше, чем споран. Много гороха может открыть в тебе суперспособности.

– Ладно, потом повторишь еще раз. Делай уже живец – голова кругом идет!

– Ломает? То ли еще будет! Ничего, я быстро. Рука набита.

Пират вылил в кружку красного вина, бросил два шарика и принялся мешать содержимое чайной ложкой. Убедившись, что шарики растворились, он взял ковш, накрыл его полотенцем, сложенным вчетверо, и вылил на него содержимое кружки. Получившийся раствор слил назад в бутылку. Размешал и налил в чайную чашку на одну четверть.

– На, причастись.

Рэб выпил и даже не поморщился. Ему все равно было, какой запах и вкус имеет растворенный споран, добытый из тела мутанта. Он знал, что ему полегчает после этого. Тепло упало в живот и разошлось по телу. Головная боль растворилась в легких и приятных покалываниях. Тело наливалось силой и здоровьем, а разум прояснялся.

– Запомнил процесс? – Пират имел в виду приготовление напитка.

– Запомнил.

– Спирт или уксус, растворяешь, фильтруешь, пьешь. Свою норму поймешь со временем. Судя по тому, сколько ты продержался, ты еще тот крепачок. Бери бутыль. – Пират протянул руку, но потом отдернул. – А куда же ты ее положишь? У тебя ведь нет рюкзака?

– Нет. Только крест и колун.

– Невелико хозяйство! Ты тоже из этих, из священников?

– Да, из них самых.

– Похож. – Пират рассмотрел Рэба внимательнее. – Ладно, пойдем, поищем какую-нибудь сумку в доме тебе на первое время. Вообще я знаю городской кластер, там такой спортивный магазин – закачаешься! Надо только успеть раньше монстров налететь.

Двойник Рэба оказался заядлым туристом. У него был хороший и емкий рюкзак, приготовленный для быстрых сборов. В нем лежали туристические принадлежности, «пенка»¹, карабины, компас, топор-трансформер, ножи, сухое горючее, горелка, комплект чистой одежды и палатка.

– Берем, однозначно берем! – обрадовался Пират. – Переоденься в более подходящую одежду. Что ты выглядишь, как Лучано Паваротти?

Камуфлированная одежда из рюкзака на ощупь была грубой. Отец Анатолий любил дорогие и удобные вещи, но Рэб не стал следовать своему предшественнику. Он понимал, что чем незаметнее он будет, тем дольше проживет. Рэб переоделся в новое. Одежда была ему чуть тесной в животе. Пуговица на ширинке готова была выстрелить. Но динамика снижения веса была такова, что через неделю он должен быть худее своего двойника.

---

¹ «пенка» – простонародное название коврика из пористого материала, подстилаемого под спальный мешок на ночь.

Рэб подошел к зеркалу и удивился переменам в своей внешности. Он не был похож на отца Анатолия. Лицо усохло и загрубело. Борода свалаялась, смешалась с грязью и смотрелась инородно на изменившемся лице и на фоне новой одежды. Рэб увидел у зеркала ножницы, взял их и решительно остриг бороду под самый корень.

– Твою мать! Предупреждать надо! – испугавшись перемен во внешности Рэба, воскликнул Пират. – Я подумал, у нас гости. То-то же, теперь на настоящего рейдера похож! Жирноват немного, но это не надолго. Пойдешь со мной?

– А что мне остается?

– Правильно, здесь оставаться нельзя. Если раз повезло, то это не значит, что и второй раз повезет. Сейчас набиваем плотно брюхо, берем с собой все необходимое и выступаем. Кто за?

– Я.

– Единогласно.

Минут десять они ели молча, зачерпывая ложками из разных банок. Потом Пират перелил самогон из банки в две пластиковые бутылки. Одну взял себе, вторую отдал Рэбу. Протянул ему с десятков споранов.

– Это твое. Разбавляй так: один споран на пол-литра смеси из десятой доли спирта. Понял?

– Понял, не дурак. На полторашку – три спорана, и настой должен быть десятиградусным.

– Да, это моя любимая пропорция.

– Скажи, Пират, а ты всегда один бродишь? – Рэб только сейчас подумал об этой странности.

– Теперь всегда. Мне с моим даром так проще. Осторожность и наблюдательность. В группе всегда найдется какой-нибудь идиот, который привлечет внимание мутантов или внешников или проболтается о хорошем походе. Я привык быть один. Высоко сижу – далеко гляжу.

– Зачем я тебе? Я же новичок, обязательно проколюсь, как с отрядом Мотора получилось.

– Не обольщайся: наш союз временный. Из-за постоянной опасности народ стал суеверным, оброс приметами. Одна из главных примет – навлечь на себя беду, бросив новичка. Помутызгаюсь с тобой немного, да разбежимся. Не обессудь.

– Да брось, я у тебя в долгу. Так бы и окочурился на том трупе в сидячем положении.

– Да уж, мыслитель из тебя знатный был!

– Куда ты идешь? В смысле, мы?

– Волка ноги кормят. Вот смотри... – Пират вынул из кармана лист бумаги, отпечатанный на цветном принтере. – Это карта окрестностей. Двенадцать многоугольников-кластеров. Мы – здесь, на зеленом. В углу – коэффициент перезагрузки, видишь? За базу взято десять дней от загрузки к загрузке, они равны единице. Мы на коэффициенте, ноль – тридцать четыре. То есть примерно каждые трое с половиной суток кластер перезагружается. Это очень быстрый кластер. А вот здесь – серый городской кластер, у него коэффи-

циент «шесть»; это два месяца между перезагрузками. Мой любимый кластер. Мутации медленные, два дня живу там, как белый человек, как в старом времени, а потом отстреливаю пару-тройку крепких тварей, а то и больше, потрошу их – и назад.

– Мы туда идем?

– Туда. У нас осталось восемь часов. Поторапливаться надо. – Пират свернул карту, убрал её за пазуху и решительно встал.

Рэб тоже встал, хотя ему показалось, что в живот поместилось бы еще немного пищи. Он остро нуждался в опытном напарнике и готов был терпеть и не такие лишения ради приобретения ценного опыта.

На выходе из дома Пират замер. Покрутил головой в разные стороны. Удовлетворенный осмотром, вышел наружу и направился в сторону сараев.

– Пират, у меня из оружия только крест. Может, я сгоняю, колун возьму?

– Он тяжеленный. Надорвешься тащить его, да и не Геракл ты, чтобы махать им. Добивать им – самое то, но в бою он будет тебя тормозить. Мое правило: опасности по дороге лучше избегать.

– У тебя винтовка.

– И у тебя будет обязательно, но потом, как в город доберемся. Пока доверься мне.

– Хорошо, – согласился Рэб. – Все равно больше некому.

За сараями находилась невысокая дамба, которой запруживали внешние воды. Берега ее заросли кустарником. Пират уверенно нырнул в проход между кустами, как будто знал дорогу. Рэб держался рядом и все время оглядывался назад. Ему казалось, что за ними обязательно увяжется какая-нибудь тварь. Пират был внешне спокоен. Если он и волновался, то не подавал виду.

Время от времени опытный спутник Рэба замирал, особенно перед открытыми пространствами, и смотрел вперед и по сторонам. Рэб тоже пытался услышать или увидеть что-нибудь подозрительное, но ему либо все казалось подозрительным, либо ничего.

Они миновали небольшую деревушку, обойдя ее верхами. Пират прибавил шаг и шепнул, что в этом месте задерживаться не стоит. Мол, здешний председатель колхоза в одиночку умял всех жителей и теперь рыщет по окрестностям в поисках новой еды. Рэб так и не понял, насколько серьезен был его спутник.

– А коров и свиней тоже он подъел? – спросил Рэб.

– Их здесь не было, это же плодопитомник. Вон, сады в низине.

Рэбу представился мутировавший председатель колхоза – обязательно с животом, горькими слезами умывающийся, но лопающий яблоки и груши от безысходности.

Отойдя от колхоза на пять километров, Пират облегченно вздохнул.

– Не люблю это место.

– А что если обойти его большим крюком?

– Пробовал, но там еще хуже. Справа – трасса, там внешники катаются, слева – река широкая, и там столько прикормленной гадости бегают, что лучше одного председателя миновать, чем сотню голодных тварей.

– Пират, а можно спросить тебя, как у бывалого? Есть теория происхождения Улья?

– Есть, полно всяких. Каждый фантазирует в меру своих умственных способностей. Кто-то думает, что это кара Божья..., – Пират многозначительно посмотрел в глаза Рэбу. – Кто-то считает, что Улей сварен из кусков аномальных зон, существующих на планете. Кто-то считает Улей делом рук инопланетян или самих землян, но из далекого будущего.

– А ты сам за какую теорию?

– Ты читал «Град обреченный» Стругацких?

– Нет, я вообще, не питаю слабости к чтению.

– А я питаю. Так вот, там тоже было общество, непонятно каким образом собравшееся в непонятном месте. Они называли это Эксперимент. Пытались приспособиться, работали, устраивали революции и все такое, и все время задавались вопросом, а с какого перепугу они здесь, и что это вообще такое. И вот я дочитал до конца эту книгу.

– И?

– И так ни хрена не понял, где они оказались и кто проводил этот Эксперимент. Так и с Улем я считаю. Мы нико-

гда не узнаем, кто его устроил для нас: инопланетяне, Господь или славные потомки. Так и похрен, на самом деле. Я заметил, что в Улье дольше живет тот, кто меньше задает вопросов, не касающихся собственно выживания. Мой тебе совет: не держи в голове ненужную информацию, не помогающую выжить. Послушаешься – мы с тобой еще не раз встретимся, а нет... – Пират замер на полуслове, остановился и уставился в одну сторону.

Рэб пригнулся к земле, поняв, что опытный товарищ что-то увидел. Он попытался разглядеть что-нибудь в той стороне, куда смотрел Пират, но ничего, кроме редких кустов и лесополосы, разделяющей поля, не увидел.

– Засада, – шепнул Пират.

– Где?

– Справа, вон там, в прогале между деревьями, где дорога проходит, мужики с оружием сидят.

– На кого охотятся?

– Хрен его знает, но проверять не хочется. Хорошие люди на такой дороге не ищут наживы, только уголовники.

– И здесь в тюрьмы сажают?

– Ну, бывает, конечно, и здесь сажают, но эти, в основном, в том мире по тюрьмам сидели. Мы их мурами называем. Самый поганый слой в Улье, ненавижу их больше мутантов.

– Беспредельничают?

– Не то слово! Моральные уроды, каких свет не видывал! Они на побегушках у внешнихков. Те их не трогают... почти.

– Обойдем стороной? – Рэб не хотел, чтобы их заметили муры.

– Обойдем, седьмой дорогой, – успокоил его Пират. – Странно только, что они засели на такой безлюдной дороге. Если они из города ждали рейдеров, так рано еще. Дня через два самое то было бы. Думаю, инфу им слили. Давай, Рэб, посидим пару часиков, подождем, чем кончится.

– Не горю желанием, но если для дела это нужно, готов подождать. – На самом деле Рэбу было тяжело от мысли, что на его глазах может случиться убийство.

Пират достал сухари из своего запаса и предложил их Рэбу, чтобы скоротать ожидание. Минут через пятнадцать послышался звук моторов справа. По проселку между полями гречихи и проса катились два броневика и один военный грузовик.

– Кто это? – спросил Рэб. – Внешники?

– Нет, военные, наши. Внешники в масках все, бояться заразиться, а эти с открытыми лицами.

– Может, предупредить их?

– Ага, попробуй! Они сразу тебя рубанут очередью, а потом спросят, кто такой и откуда.

– Куда они?

– Куда и мы, в город. Со стаба, скорее всего, военного едут. Материальное и продовольственное обеспечение пополнить.

– Они тебе чего-нибудь плохого делали? – спросил Рэб у

напарника.

– Нет, конечно. Я даже отлеживался в их госпитале пару раз.

– И ты вот так позволишь им попасть в ловушку?

– Слушай, Рэб, усвой местные законы: дольше и счастливее всех живет тот, кто заботится в первую очередь о себе.

– Счастливее – вряд ли. – Рэб вынул из-за спины свой самодельный крест.

– Что ты задумал? – удивился Пират.

– Проехаться на попутке. Сиди здесь, я тебя не выдам.

Сам не понимая, откуда у него взялась смелость, Рэб поднял над головой крест и пошел в сторону колонны военных. Пират за его спиной покрутил пальцем у виска. Первый броневик, с пулеметной турелью на крыше, развернул пулемет в сторону приближающегося Рэба. Солнце играло на лезвии ножа, притороченного к кресту. Колонна остановилась. Второй пулемет, с другого броневика, тоже смотрел в сторону Рэба. Грудь ломило от предчувствия свинцового дождя, разрывающего ее на куски. Пулеметы молчали. Из кабины грузовика выскочил человек с автоматом наперевес и пошел навстречу Рэбу.

Через минуту они сошлись. Военный был в камуфляже с капитанскими погонами.

– Ты кто такой, бесстрашный? – спросил он, ненавязчиво наведя ствол автомата на бывшего священника.

– Меня зовут Рэб. Я хочу предупредить вас, что впереди

засада. Вон там, между деревьями.

– Откуда знаешь?

– Не все ли равно?

– Так-то оно так. Если, правда, помог, а не позволил ее организовать.

– В смысле? – Рэб был уверен, что помощь его очевидна.

– Вдруг ты – отвлекающий маневр, чтобы дружки твои смогли окружить нас и пострелять.

– Дурак ты, человек, хоть и капитан!

– Да умных тут давно не видели. Реально, что ли, засада?

– Мы с другом шли, он глазастый, далеко видит, как в бинокль. Он и увидел. Помогать вам побоялся и мне не советовал.

– Ты новенький?

– Да.

– Друг твой прав был: если бы не крест над головой, срезали бы без вопросов.

– А потом бы и вас постреляли.

– Ладно, прости. Вижу, что правду говоришь. Придется в объезд идти. Вы куда шли?

– В город.

– Можем с собой взять. Поедет твой друг с нами, не побоятся?

– Не знаю. – Рэб развернулся и помахал рукой в сторону, откуда пришел.

Пират появился над травой, поднял руки вверх и пошел

навстречу колонне.

Метров за триста от засады подкорректированные глазастым Пиратом пулеметчики сделали по десять коротких очередей в лесные заросли. Трассеры разлетелись красными шарами в небо. Из леса попытались огрызнуться, но пущенная в их сторону длинная очередь из пулеметов и одного автоматического гранатомета заставила их замолчать.

Дорога до города прошла с относительным комфортом – в тентованном кузове грузовика, вместе с десятью мужиками в военной форме. Пирату не сиделось на месте. Он то и дело отодвигал уголок тента и пытался высмотреть опасность.

– Я не привык в автомобиле, чувствую себя, как в ловушке, – поделился он с Рэбом.

К счастью, все обошлось. Колонна встала перед самой границей кисляка. Городской кластер выгружался свежими ресурсами для всего Улья. Капитан вручил Рэбу военный «калаш» с пластиковым цевьем и прикладом и одним полным магазином.

– Это знак благодарности от командования. В нашем стабе вам обязательно будут рады. Меня зовут Кузьма. Если будут задавать вопросы, зовите меня. Вы с нами пойдете на промысел?

– Не, не с вами, – предупредил Пират. – Вы слишком заметные. К вам, наверное, прицепятся сразу? Мы по-своему, незаметно.

– Часто бываешь здесь? – спросил капитан у Рэба.

– Последних четыре перезагрузки.

– Ветеран. – Кузьма уважительно покачал головой. – Как бы не перехлестнуться с вами?

– Наш район возле управления МВД. Там у меня секретная снайперская позиция. Услышите выстрелы из крупного калибра – это мы с Рэбом перфорации в мутантах делаем. Там наше все.

– Наши склады довольствия у вокзала и пороховые склады. Там будут работать ДШК и КПВТ, может быть, и с гранатометов постреляем. Туда не лезьте. Как опытный, скажи, сколько здесь длится дедлайн?

– Двое суток почти. Столько же до набег мутантов. От нас на восток скоро шумно перезагрузится кластер. Тварей магнитом туда тянет.

– Отлично! Денек погуляем, по девкам, а потом – день на восстановление.

– Ты первый раз здесь? – догадался Рэб.

– Да, предыдущая экспедиция почти полностью погибла. Вернулись на одном броневике.

– Ладно, дай Бог, чтобы у вас все прошло хорошо. Кисляк сошел, мы с Рэбом отправляемся.

– Давайте, парни! И спасибо вам!

– Сочтемся, – ответил Пират.

Глава 4

В городе начиналась суэта. Автомобили замирали на границе кластера. Водители и пассажиры чесали затылки, разводили руками и матерились. Пират разобрал винтовку и убрал в рюкзак. Помог Рэбу раскрутить подаренный военными «калаш». Его тоже спрятали в рюкзак.

– Ну его, оружием светиться! Походим пока, как гражданские, окунемся хоть на сутки в прежнюю жизнь. Как я люблю это место! Мороженку хочешь?

В двух кварталах от границы кластера было спокойнее. Народ еще не успел запаниковать. Пират подвел Рэба к киоску с мороженым и постучал в закрытое окошко, на котором была приклеена написанная маркером записка: «Киоск не работает. Света нет».

– Эй, Людка! Продай мороженое! Света долго не будет, все равно все растает.

Окно открылось. Из него выглянула конопатая девчонка в очках и подозрительно посмотрела на Пирата.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – спросила она.

– Я у тебя тут регулярно беру, просто сегодня на охоту собрался, поэтому ты меня не узнала.

– Да? – Девчонка силилась вспомнить Пирата. – А вы откуда знаете, что света долго не будет.

– А что тут думать? На гидроэлектростанции авария, ска-

зали, что не скоро починят, – соврал Пират. – Связи нет, ничего нет, все обесточили. Полный блэкаут.

– Ладно, пока морозилка держит. Чего хотите?

– Мне – пломбир, а другу...?

– Эскимо... с орешками.

Пока Пират рассчитывался, Рэб рассматривал двор, окруженный тремя девятиэтажками. Народ жил своей жизнью, приходил, уходил, садился в автомобили или, наоборот, выходил из них и прятался за каменными стенами. Скоро мирная жизнь превратится для них в настоящий ад.

– Держи. – Пират протянул Рэбу мороженое. – Брось, не жалей их. Я так первый раз испортил себе всю ностальгию. Мы не в силах изменить ничего, поэтому остается только расслабиться и получить удовольствие.

Пират откусил большой кусок мороженого, блаженно закрыл глаза и замычал.

– Кайф!

– Расскажешь мне как-нибудь о всей структуре Улья?

– Что, неймется? Действительно хочешь изменить его?

– Хочу понять, зачем он нужен. Должен же быть в этом смысл. Любое действие вызвано необходимостью.

– Ой, ну все, забубнил! Я тебя предупреждал, о чем здесь надо думать, если хочешь жить. Ты бы еще теологию свою приплел сюда. Расслабься!

– Ладно, я понял. Где будем расслабляться?

– Сюрприз!

Пират вразвалку пошел мимо домов. Рэб последовал за ним. Напарник вывел его на аллею, тянувшуюся вдоль широкого проспекта. Картина шумного проспекта и прогуливающихся под сенью деревьев людей была настолько мирной, что сознание Рэба тронула тайная надежда на то, что с этим кластером случится что-то из ряда вон выходящее и он не окажется в жутком Улье. Все портили замершие троллейбусы и неработающие светофоры, возле которых столпились ожесточенно сигналившие автомобили.

Пират получал настоящее удовольствие: улыбался девушкам, отпускал комментарии в их адрес, дышал глубоко и с наслаждением, закрывая глаза и смакуя рецепторами городской воздух. Рэб тоже хотел расслабиться, как и Пират, и даже понимал, что ему это нужно еще больше, но не мог. Свободная совесть шептала ему в уши, что город скоро превратится в чистилище. Люди станут жрать друг друга, убивать, рвать на куски, кричать в предсмертном страхе. Рэб гнал от себя эти мысли, но они не хотели покидать голову.

– Ты напряженный какой-то. Присядем, тебе живца пора принять.

Они заняли первую попавшуюся свободную скамейку. Пират отвинтил пробку и сделал большой глоток. Рэб достал живец, приготовленный из кагора. Вином он почти не пах. Мимо прошел патруль, подозрительно покосившийся на них. Рэб подождал, когда они уйдут, и хлебнул напитка. Тепло сразу достигло дна желудка и, подобно всемогущему

эликсиру, разбежалось по телу. Мысли прояснились, на душе полегчало. Зелень аллеи стала еще более изумрудной, де-вушки – красивее.

– Живец все портит здесь. Если бы не он, то погружение в прежнюю жизнь было бы полнее, – посетовал Пират.

– Представь, что это не живец. Кстати, никто не догадался закатывать его в ингаляторы, как для астматиков?

– Я слышал, что есть всякие способы. Где-то есть ста-бы, где кое-какая технологическая база осталась; там, вро-де, живчик не только пьют, но и колют. Экстрактируют чи-стое вещество и пускают по вене. Слышал, что это эффек-тивнее, но своими глазами не видел. Чистый живец – это для избранных. Всю свою жизнь кружусь на определенном пяточке. Каждый раз собираюсь сменить маршрут, но меня что-то останавливает – то ли страх, то ли привычка. Другие рейдеры вон куда заходят, вещи такие рассказывают – не по-веришь.

– Это называется зона комфорта.

– Точно, так и есть. Не хочу из нее выходить.

В животе у Пирата заурчало. Он похлопал себя по нему.

– Жрать просит. Пойдем, покажу тебе здесь место на на-бережной. Там такой шашлык готовят! Ни в прошлой жи-зни, ни в этой я не ел ничего такого.

После живца у Рэба тоже проснулся аппетит.

– У тебя деньги есть?

– А как же! Не с пустыми же руками уходил я отсюда.

Скоро все кассы будут в нашем распоряжении. Хождение денег как основной ценности в этом городе заканчивается. Надо успеть перевести их в дело, пока не обесценились. Идешь?

– Куда же я без тебя!

Среди пестрой городской толпы Рэб и Пират выглядели, как туристы, потерявшиеся в лесу, обносившиеся, хлебнувшие лиха. Люди косились на них, особенно на одноглазого Пирата. Тому все было нипочем. Он широко и счастливо улыбался и совсем не обращал внимания на прохожих. Рэб, напротив, разглядывал всех, всматривался в лица, пытаясь понять, кого же из них судьба пожалеет и превратит в мутанта, а кому оставит ясность ума, дабы тот увидел и пережил адские муки потери родных и близких.

С площади, окаймленной белым гипсовым парапетом, открывался вид на реку, разделявшую город на две части. Это традиционно использовалось для романтических встреч, и там было полно народу: преимущественно молодежь, реже – родители с детьми. Пират поднялся по ступеням на возвышение. На нем находился ресторан, летняя веранда которого была выполнена в стиле зала рыцарского замка. Массивные деревянные столы и стулья, на стенах – имитация факелов, геральдические щиты.

– Хозяин – немец, – пояснил Пират.

К ним тут же подошла мадам лет сорока – полненькая, с белой косой и в переднике.

– Вам пиво? – спросила она.

– Ну почему пиво? Поставьте нам шашлыка, по две палки, мне еще колбаски свиные. Ты будешь колбаски?

– Заказывай ты, я здесь впервые.

– Хорошо, моему другу – тоже колбаски, похлебку из че-чевицы для разгона и запить, чего-нибудь.

– Пиво?

– Бог с тобой! Литр водки, пока.

– Рассчитываться будете карточкой или наличными?

– Наличными.

– Покажите?

Пират усмехнулся. С видом крайнего превосходства вынул из кармана пачку пятидесятирублевых купюр. Отсчитал три и протянул официантке.

– Возьми себе на чай.

Щеки у мадам зарделись. Она засмушалась перед богатыми гостями, выглядящими почти как бомжи.

– Хотите, музыку вам поставлю? – спросила она.

– Давай, Лепса включи.

Не успела мадам исчезнуть в дверях ресторана, как выбежала девчушка с двумя запотевшими бокалами пива и нарезкой из соленой рыбы.

– За счет заведения, – прозвенела девчушка и убежала.

– Каждый раз одно и то же! Только в прошлый раз пиво было светлое. – Пират враз осушил половину бокала, обтер лицо рукавом и довольно выдохнул. Рэб приложился к бокалу. Пиво было ароматным и тягучим. Хозяин явно готовил

его самостоятельно. Легкий алкоголь действовал почти как живец. Организм принимал его с благодарностью, рассылая по телу импульсы блаженства. Не успело закончиться пиво, как мадам вынесла два больших блюда, на которых лежали коричневые запеченные колбаски в окружении жареного картофеля и винегрета из зелени и фасоли. Отдельно подала томатный соус, горчицу и майонез. Девчушка вынесла следом графин и две стопки. Водка имела слабый коричневый окрас.

– Что за водка? – спросил Пират. – В прошлый раз обычная была.

– Эта водка настояна на альпийских травах, таких же, как и бальзамы, которые производят там же. Она чуть горче, чем обычная водка, но сильнее стимулирует хороший аппетит и в целом положительно сказывается на здоровье. Это комплимент от шеф-повара. – Мадам протараторила заранее вызубренный текст.

– Передай ему комплимент от нас. – Пират вытянул еще одну пяти тысячную купюру.

Мадам снова зарделась.

– Огромное спасибо. Приятного аппетита.

Она ушла. Пират разлил по стопкам водку, поднес к носу и понюхал. Рэб сделал то же самое.

– Приятно пахнет!

– Давай, за этот день, который так похож на те, которые мы не замечали, – предложил тост Пират.

– Давай.

Водка почти не обожгла горло, мягко прошла пищевод и теплом разлилась по желудку. Желудок уже молил набить его едой. Рэб на время забыл обо всем, с удовольствием уминая горячие колбаски и заедая их гарниром. Потом он откинулся на спинку стула. Пират смотрел в сторону реки, по которой плавали яркие лодки с парочками влюбленных.

– Знаешь, что мне было тяжелее всего, когда я попал сюда в первый раз?

– Что?

– После того как я выпил, мне хотелось кричать людям, чтобы они спасались, прятались, запасались оружием.

– Сейчас не так?

– Переборол себя. Понял, что так будет только хуже. Ну, давай еще!

– Давай. – Рэб представил себя, хватающего за грудки первого попавшегося и кричащего ему в лицо о приближающемся апокалипсисе. Так и до дурдома докричаться было недолго!

Рэб поставил пустую стопку на стол.

– Слушай, Пират, а у тебя, перед тем как перенестись в Улей, были какие-нибудь предчувствия или знаки? – Рэб вспомнил о своей «чертовщине», от которой после попадания в Улей не осталось и следа.

– Ты про что? – Колбаска застряла у напарника во рту.

– Ну, я не знаю; что-то необычное, необъяснимое.

– Хм... В Улье принято считать, что попадание в него есть случайный отбор и ничего другого. Хотя я не раз слышал истории от людей, говоривших, что у них были предчувствия или знамения.

– А ты сам-то как?

– Да хрен его знает! У меня столько проблем было по жизни, что я мог и не обратить внимание на это. Жил ведь, как м...ень последний, сам себе проблемы искал. Долги брал, в семье – полный кавардак, работы не было постоянной – шабашки одни. А потом – х...ак! – и в Улей загремел. И теперь у меня одна проблема: не окочуриться. – Пират наклонился к Рэбу через стол. – А у тебя, чё, знамения были?

– Да как тебе сказать... Вроде, было... чертовщина какая-то меня преследовала. Я ее вот так прямо не видел, она все время где-то сбоку мелькала, в боковом зрении. Я, если честно, думаю, что за грехи меня сюда закинуло. Поделом!

– Да брось, Рэб, ты хороший мужик! Давай еще накатим. Душа праздника просит.

– Давай.

Алкоголь в Улье брал хуже. Регенерационные способности человека-носителя многократно быстрее выводили алкоголь из организма. Если между тостами медлить, то пьянка напоминала хождение по «зебре»: то ты пьян, то трезв, то пьян, то трезв. В один из моментов, когда организм почти протрезвел, Рэб заметил, как по той стороне города пронесли полицейские машины и два военных грузовика.

– Смотри, суетятся, – обратился он к Пирату.

– Еще бы! Сам подумай: полгорода отхренакало, за городом вообще другой пейзаж, никто ничего понять не может, без связи, без всего. Они ничего умнее не придумали, как поставить солдат по периметру. Как только стрельба начнется, знай: к нам пожаловали гости.

– А мы когда пойдем позицию занимать?

– Тс-с-с, сегодня – ни слова про это! Сегодня мы отдыхаем.

Мадам в переднике принесла шашлык. Выглядел он, как на картинке. Между кусочками жареного мяса – лук, зелень и помидоры. На втором блюде – ломти горячего хлеба собственной выпечки. Задремавший внутри Рэба отец Анатолий проснулся, чтобы получить гастрономический оргазм.

– Милая! – Пират вынул пятитысячную купюру. – Принеси нам еще своего эликсира на альпийских травах. – И нетвердой рукой попытался пристроить купюру между грудей официантки.

Мадам это не разозлило. Она хихикнула, перехватила купюру и, виляя бедрами по сложной траектории, спешно ушла. Через полминуты она принесла полный графин своего фирменного напитка. Отец Анатолий, носом Рэба прошелся по всей палке шашлыка, вдыхая безумно вкусный аромат. Снял зубами первый кусок мяса и, перекидывая с одной стороны рта на другую, с приставываниями принялся жевать.

– Ну как тебе шашлык?

– Если на земле есть рай, то он здесь. Буду жив – через два месяца приду сюда снова. С тобой или без тебя.

– Вот и тост! Желаю, чтобы в следующий раз ты пришел со мной! – Пират закинул спиртное в себя и со стуком опустил стопку на стол.

Рэб поддержал его. Горький напиток усиливал моторику желудка, провоцируя «обжираловку». В эту минуту ему казалось, что Улей – не такое плохое место. В конце концов, каждые два месяца можно приходить в этот ресторан и устраивать себе изысканный гастрономический отдых.

На летнюю веранду ввалилась толпа молодых людей мажористого вида. Странная парочка в камуфляжах показалась им лишней.

– Эй, грибники, забирайте еду и валите отсюда! Мы с друзьями хотим нормально посидеть здесь одни. – Грозный тип в майке, натянутой на крепкое тело, навис над Пиратом.

– Я что-то не понимаю вас, молодой человек. Это место общественное, с деньгами здесь может находиться хоть грибник, хоть ассенизатор, хоть такой м...ак, как ты. Я, вот, не против вашей компании, а ты? – театрально спросил Пират у Рэба.

Напарник действовал провокационно. Он был вооружен, но его винтовка была разобрана, и при конфликте он не успел бы ею воспользоваться. Но Пират мог уже не раз встретиться с этой компанией наглых двойников и предвидел развитие дальнейшего сценария.

– Ну, если только они будут вести себя достаточно тихо, – подыграл Рэб.

Парень в футболке на мгновение смутился, повернулся к товарищам, ища поддержки. Лоховатые посетители ресторана явно нарывались, как будто чувствовали поддержку. Как молодой бычок, чувствующий в себе силу и до сего времени не имеющий опыта встречи с серьезными опасностями, крепыш решил, что ничем не рискует. Он схватил Пирата за воротник куртки и поднял со стула. Другой рукой он замахнулся, чтобы ударить его под дых.

Пират, несмотря на внешнюю неловкость, вывернулся, перехватил парня за летящую в живот руку, подвернулся под него спиной и сделал мощный бросок. Крепыш со всего маха упал на выложенный плиткой пол. Пират не остановился. Вынул из голенища нож и приставил острие к горлу поверженного противника. Острый кончик ножа проткнул кожу, и на лезвии выступила капля крови. Противник крутил глазами. От удара об пол он заработал легкое сотрясение. Его товарищи не предпринимали никаких попыток вступиться.

– Что выставились, бараны! – прикрикнул на них Пират. – Забирайте своего кабыздоха и валите отсюда!

Он поднялся, пнул в ребра крепыша и прошел за свой столик. Мадам выскочила из ресторана с электрошокером.

– Милая, мы все решили полюбовно, молодые люди уходят, – спокойно произнес Пират. – Это тебе компенсация за потерю клиентов. – Он отсчитал шесть купюр по пять тысяч.

Мадам была удовлетворена суммой.

– Ты, короче, мужик, ты попал, понял? – твякнул один из ватаги мажоров. – Мы вернемся!

– Мы вас будем ждать, – спокойно ответил ему Пират.

Мажоры ушли, придерживая пошатывающегося крепыша.

– Ловко ты его бросил! Я струхнул вначале, подумал, что ты блефуешь – сказал успевший протрезветь Рэб.

– Это небольшой дар Улья: руки стали сильнее, а реакция – отменнее. А что до страха, после Улья меня такие парни могут только позабавить. Я еле удерживался от смеха, когда он пытался нам угрожать. Представил его пустышем с полными штанами.

Подошла мадам.

– Вы меня извините, но нам проблемы не нужны. Парни, судя по их виду, из состоятельных семей, конфликты могут испортить нам репутацию, – произнесла она.

– Ты хорошая баба... – Пират посмотрел на бейдж. – Марта. Я тебя предупрежу, потому что ты мне понравилась. Завтра начнется свистопляска во всем городе. Она уже началась, просто сейчас это не так заметно. Завтра, если в твоей семье кто-нибудь заболит, занеможет, оставляй дома. Собери всех здоровых, погрузи припасы на неделю и чеши по главной улице на выезд. Если есть машина – хорошо, если нет – идите пешком. Идите прямо по проспекту, и там, где оборвется город и улица, поворачивайте направо, пока не уви-

дите дорожку, присыпанную гравием. Идите по ней, и выйдете к старому карьере, заросшему лесом; обойдете карьер и увидите еще одну дорогу. Идите не по ней, а лесом, параллельно дороге. Увидите машины – не выбегайте: это враги. Идите, пока не повстречаете небольшой поселок, окруженный забором из колючки и путанки. Там скажете, что Пират вас послал. К тому времени ты уже поймешь, на что готова ради того, чтобы остаться в поселке.

Марта посмотрела на Пирата как на человека, у которого случилась белая горячка. Ее взгляд перебежал несколько раз от Рэба к Пирату, словно она пыталась понять, насколько оба клиента в своём уме.

– Ничего не говори, просто запомни, что я тебе сказал. А пока все хорошо, повтори нам шашлыка. Ты будешь, Рэб?

– Ага. – Рэб кивнул.

На всякий случай он запомнил маршрут, нарисованный Пиратом для Марты.

Весь день прошел в однообразном занятии, жевании и опрокидывании стопок. К вечеру начали болеть челюсти от количества пережеванного ими мяса. Рэб пару раз прикладывался к своему живцу, когда чувствовал, что начинается ухудшение сознания. Мажоры так и не появились. За весь день гостей было немного: две семьи приходили на обед, одна компания из шести человек, два солидных мужчины при галстуках, и все.

Зато в городе чувствовалось смятение: то «скорая» виз-

жала сиреной, то полиция. Марта к вечеру относилась к предупреждению Пирата все серьезнее. Поднеся очередной графин, она спросила:

– Муж мой приходил; он слышал, что город на самом деле обрезают. Третьего микрорайона нет, вместо него – лес, провода оборваны, как будто срезало.

– Так и есть, милая. Ты теперь не в России, ты теперь в Стиксе, или Улье, как принято говорить здесь. Вот Рэб здесь неделю, а я давно, очень давно.

Марта не поверила окончательно, но по её виду можно было понять, что она встревожена. Через пару минут она, уже переодетая, молча проскочила между столиками на выход.

– Правильная баба! – буркнул ей вслед Пират и вздохнул.

На набережной к вечеру народ собрался, но скорее всего, это была лишь жалкая часть от привычного количества. Городское освещение не работало, и только ресторан, питаемый собственным генератором, тускло освещал набережную.

Пират начал клевать носом. Его шея как будто стала слишком слабой для собственной головы. Он то ронял её вниз, то запрокидывал назад. Во втором случае он начинал громко всхрипывать, отчего просыпался.

– Всё, устал отдыхать, – произнес Пират заплетающимся языком. – Пошли!

Набережная вымерла. По дорогам ещё мелькал свет от автомобильных фар, но их было мало. Сгустившаяся над го-

родом тьма тяжелым мраком предвосхищала начало страшных перемен. Рэб сквозь хмель чувствовал это. Парочки у парапета тихо шептались, но их шепот, похожий на дьявольский речитатив, разносился далеко по округе. Рэб передернул плечами. Ему показалось, что наваждения снова занялись им.

– Ты знаешь, куда нам надо? – спросил он Пирата.

– Знаю. В гостиницу «Пушкинс хотел». Сегодня там подозрительно много мест. А завтра там будет хорошая лежка для стрельбы.

– Ночью монстры не явятся в город?

– За что я люблю это место, так это за то, что вокруг кластера, почти по всему периметру – широкая река, а мутанты – хреновые пловцы. Восточнее – шумный кластер, редкость для Улья, но весьма удачная для нас. За все четыре раза, что я был здесь, раньше, чем, под конец вторых суток, интенсивное нападение не начиналось. Ты думаешь, умные люди, живущие в Ульяе, настолько тупы, чтобы проигнорировать такое событие? Сейчас перед каждым мостом стоит несколько танков, БМП, «шилок». Местных военных уже предупредили и заставили согнать технику в уязвимые места. Скоро начнется бойня, и мы с тобой услышим это. Горох и жемчужины конвейером потекут в закрома некоторых людей. А нам с тобой останутся только случайные мутанты, прорвавшие кордон.

– Я их боюсь, – признался Рэб.

– Ты?! Который ушатал двоих одним топором?!

– Да они сами себя ушатали, я же говорил.

– Эх ты! Мюнхгаузен из тебя не получится. Вот и пришли.

Перед ними высилась в небо темная высотка. Только в некоторых окнах метался неверный свет от фонаря или свечи. У дверей дежурил охранник.

– А что, есть у вас места для туристов? – спросил Пират, для верности вытащив из кармана пятитысячную.

Охранник осветил лица, потом – купюру, отвел свет, и деньга незаметно исчезла в его огромной ладони.

– Проходите, там, на ресепшене, свечи горят.

– Спасибо!

Пират и Рэб прошли в темный холл отеля. Далеко в углу, в окружении горящих свечей, светилось лицо работника отеля. Тяжелая обувь гроыхала по плитке пола. Работник встрепнулся, достал фонарь и посветил перед собой.

– Вы кто? – спросил он, озадаченный странным видом посетителей.

– Кони в пальто! Не видишь разве? Стойла свободные есть? – Пират шлепнул на стойку ладонь, а когда убрал ее, под ней оказалась купюра все того же пятитысячного достоинства.

Работник привычным движением смахнул ее в карман.

– Для вас есть отличный номер с видом на главную городскую площадь и поющие фонтаны. – Администратор развернулся, снял ключ и положил его на стойку.

– Нам бы разные номера, – произнес Пират и положил еще

одну купюру.

Работник снял второй номер и положил его рядом с первым.

– Извините, но номера на тринадцатом этаже, а лифты сегодня не работают, – извинился он.

– А жрицы-то у вас сегодня работают?

– М-м-м... сейчас узнаю. – Администратор замялся.

Оставив рабочее место, он скрылся с фонарем во тьме.

– Тебе как, баба на ночь нужна? – спросил Пират у Рэба.

Рэб задумался: с одной стороны, душа тянулась к чему-нибудь ласковому и успокаивающему, но с другой – продажные ласки не могли согреть как надо. Какая-нибудь вдова или просто одинокая женщина подошла бы лучше.

– Пожалуй, нет. Лучше отосплюсь.

– Как хочешь, а то это, чик-чирик, презервативы в Улье не нужны. Триппер здесь не приживается. Я тут каждый раз устраиваю скачки, чтобы на два месяца вперед не отвлекаться.

– Нет, посплю.

К Пирату привели несколько женщин. Свет свечи коверкал их черты, отчего все они казались некрасивыми и старыми. Товарищ Рэба прошелся несколько раз мимо строя, терзаемый муками выбора. Наконец, определился.

– Эту. – Он указал на блондинку с большой грудью.

Отчего-то Рэб подумал, что такая женщина хороша, чтобы плакаться в ее грудь и искать в ней забвения.

– На всю ночь. – Пират протянул администратору три купюры.

– Только никаких...

– Знаю, знаю, за товарный вид не беспокойтесь. Верну лучше, чем взял.

Дорога на тринадцатый этаж была трудной. В прежней жизни Рэбу понадобилась бы остановка на каждом этаже. Сейчас они отдыхали после каждого третьего. Казалось, уставал только он и проститутка, а Пират как будто не чувствовал усталости. Рэбу стало жаль бедную женщину: похоже, что укатать такого жеребца будет трудно.

– Ты... это... Рэб, на всякий случай подожди дверь изнутри. Хрен его знает, что тут ночью может произойти. Собери свой подарочек и держи его при себе. Если что, действуй по обстановке. Понял?

– Понял.

– Всё, давай, отсыпайся.

Рэб вошел в свой номер. Администратор снабдил его свечой. Ее трепетавшее пламя освещало неплохое убранство комнаты. Ужасно хотелось помыться. Рэб нашел ванну, закрыл ее пробкой и открыл кран. Струйка воды текла едва-едва. Рэб сходил в туалет, но смывать не стал. Взяв в ванной стакан, он перенес им всю воду из бачка. Кое-как вымылся в холодной воде, затем постирал в ней нижнее белье и носки, а потом наполнил грязной водой туалетный бачок. И только после этого смыл.

На душе стало легче. Перед тем как лечь спать, Рэб долго всматривался с балкона в ночной город. Он был темным – темнее окружающей ночи. Ночное небо казалось подсвеченным далеким заревом. Оно было не таким, каким он привык его видеть: ни одного знакомого созвездия, все чужое. Вдалеке ударил пулемет. Звук был гулким. Его поддержало еще несколько коротких очередей. Потом все стихло. Рэбу стало не по себе, его захлестнуло чувство глобального одиночества, брошенности, неопределенности. Промелькнула злость на Бога и тут же растворилась в чувстве вины. Рэб вздохнул глубоко и вернулся в комнату. За стеной стучала кровать. Вот уж кто не мучился сожалениями. Рэб лег на кровать, накрылся с головой и постарался уснуть. Сон пришел быстро.

В дверь лупили упорно и громко. Рэб вскочил и понял, что наступило утро.

– Кто там? – спросил он строго.

– Твою мать, Рэб! Я подумал, что ты дернул отсюда или сдох! Выходи строиться!

Рэб отодвинул подпиравший дверь шкаф и впустил товарища. В руках у Пирата был пакет с логотипом ресторана.

– Нам пожрать передали в номер, за щедрость. Гостиница непуганых идиотов! Сон у тебя, я скажу, как у праведника.

– А ты, что ли, плохо спал?

– Как тебе сказать... спал. Забывался на мгновение, а потом втяну ноздрями женский аромат – и сон как рукой. Бед-

няга еле ноги унесла. Зато довольная. Я ей сотку дал и сказал, чтобы отоварила сразу. Кажется, она иммунная. Парень, что принес пакет, выглядел не очень. Так... – Пират посмотрел, куда поставить пакет с едой, не нашел и положил на кровать. – Ты не болеешь с похмелья?

– Почти нет. Живца тяпну – совсем отпустит.

– Тяпай, пожрем, и надо идти за винтовкой.

Рэб открыл свой кагор. Его запах стал привычным и ассоциировался с облегчением самочувствия; это, видимо, и определило изменение отношение к его запаху. Теперь кагор не вонял, а источал благородный аромат. Рэб сделал большой глоток. Эффект от живца был мгновенным: по телу разливалось тепло, и сразу же захотелось есть.

Завтрак прошел в тишине. Пират что-то думал, а Рэб прислушивался к звукам выстрелов, что случались все чаще.

– Есть такие люди в Улье – умнее остальных, умники такие; это тоже дар – всегда держаться в тени. Так вот, они очень умело организывают работу. Я их называю «ловцами жемчуга». Они раньше всех попадают в такие кластеры, где есть тяжелая военная техника, быстро организуют заслоны и крошат мутантов, собирая с них все, что можно.

– Слушай, Пират, а как с них собирают спораны, горох? Я слышал, но не видел ни разу.

– Эх ты, зелень! У каждого мутанта, даже у самого свежего, на затылке вырастает споровая сумка. В ней начинают появляться спораны, затем – горох, затем – жемчужины.

Чем старше в иерархии тварь, тем больше в ней всего. Пусто только у пустышей, коими скоро наполнится этот город.

– А ты на кого собираешься охотиться?

– На того, кого пробьет моя подруга. С ней я тебя скоро познакомлю. Красавица, глаз не оторвать! Знаком с оружием?

– Теоретически.

– Ну да, ты же словом привык разить.

– Скорее, извлекать. – Рэб даже покраснел.

– Не парься, тут ты свои грехи отработаешь сторицей.

– Или заработаю на новые.

– Никудышное настроение перед боем! Так только потенциальные покойники себя настраивают. В тебе есть потенциал, я вижу. Знаешь, сколько хлюпиков умерло на моих глазах? Всякие среди них были. Одни трусами были и не скрывали этого, вторые – героями на словах, но никого эти слова обмануть здесь не смогли. Есть в тебе стержень – ты живешь, нету – покойся с миром. В тебе есть стержень, Рэб. Он просто зарос салом на Земле.

Рэбу были приятны слова товарища, но он отнесся к ним как к лести, которая помогла настроиться на дело.

– Спасибо, Пират!

– Пожалуйста. Доедай, и пойдем.

Глава 5

Целью оказался учебный центр подготовки бойцов специального назначения МВД РФ. Периметр центра был пуст. Логично было предположить, что все бойцы находятся сейчас по периметру кластера. Пират собрал свою винтовку, вставил магазин, а еще два, заполненных патронами, сунул в карман куртки.

– Я все делаю сам. Ты идешь сзади, страхуешь меня со спины. Любой человек с оружием – цель. Стреляй не раздумывая. В Улье полиции нет, жизнь другого ничего не стоит. Понял?

Рэб замялся: он не был готов стрелять в людей.

– Может быть, крикнуть, чтобы положили оружие на землю и подняли руки вверх?

– Не расстраивай Леонида Аркадьевича, стреляй первым. Не факт, что здесь остались бойцы спецназа. Это могут быть такие же рейдеры удачи, как мы, а они не будут долго раздумывать. Стреляй, и все.

– Хорошо, понял. – Рэб проиграл в уме момент, когда ему придется применить оружие. Это помогло настроиться психологически.

Пират знал здесь все проходы. Они пробежали мимо открытых гаражей и зашли в здание через дверь, которая вела в подвал. По ступеням старались ступать тихо. Пират открыл

дверь и вошел первым. Рэб зашел следом и услышал за поворотом стены приглушенные причитания:

– Что же это такое, что ж так плохо-то?! Ни одна таблетка не помогает! Уф-ф! Уф-ф! Гадство, где я подхватил эту заразу?

Рэб выглянул из-за угла. Перед оружейной комнатой сидел крупный лысый мужчина. Его лысина блестела потом в свете диодного фонаря. Он обтирал ее платком и тяжело отдувался. Пират вышел из-за угла и быстрым шагом направился к нему.

– Руки в гору! Живо! – Выстрел в сторону, и жужжащая пуля унеслась по коридору. – Это не шутки и не учения!

Лысый дернулся в сторону своего автомата, прислоненного к столу, но Пират выстрелил и сбил оружие.

– Следующая пуля будет в тебя, придурок! Ключи на стол!

Лысый метнул искры, желваки заходили на скулах. Нехотя вынул ключи из стола.

– Открывай оружейку! Быстро!

Спецназовец замялся и получил пулю в правую ляжку. Он присел на раненую ногу и застонал.

– Открывай, хватит ныть!

Мужчина, хромая, подошел к двери и загремел ключом в скважине. Штанина намокла. Кровь побежала на пол. Пират вынул из стола наручники и бросил их бойцу.

– Надень и пристегнись к трубе.

Спецназовец повиновался. Пират взял фонарь в руки.

– Рэб, следи за ним и за входом. Я быстро.

Свет исчез в оружейке. Рэб достал свой маленький фонарь и направил его в сторону лысого.

– Вам долго не протянуть. С вами не будут чикаться. Вооруженное нападение на бойца спецназа – это приговор.

– Мужик, не пугай меня. Скоро в городе будет так страшно, что мы с другом покажемся тебе очень приятной парочкой. Ты заразился?

– Ты про что? Вы что-то знаете? Это бактериологическая атака?

– Хуже. Ты провалился в другой мир. Ты заражен и скоро станешь мутантом.

– Ты наркоман! – догадался боец.

– Если бы.

Свет снова появился в помещении. Пират держал в руках длинную винтовку, похожую на противотанковое ружье, и брезентовый подсумок для магазинов.

– Уходим! – приказал он.

– А этого? – спросил Рэб, кивая на спецназовца.

– Этого, что, пришить?

– Да нет, отпустить.

– Ты спятил! Он нам в спину выстрелит. – Пират подошел к медицинской аптечке, висевшей на стене, вынул из нее бинт и тампон и протянул бойцу. – Перевяжись одной рукой. Это все, что мы можем для тебя сделать.

Боец ничего не сказал, отвернулся.

– Иди вперед и посматривай по сторонам.

Свет ударил по глазам на выходе из здания. Глаза успели привыкнуть к темноте. Рэб повременил, чтобы дать глазам привыкнуть, и только после этого поднялся по ступеням вверх. Было тихо. Пират поднялся следом.

– Идем назад к гостинице, короткими перебежками.

Гостиница была хорошим ориентиром. Ее было видно издалека. Рэб выбирал для маршрута самые заброшенные места.

– А чего не напрямую? – спросил Пират.

– Да чтоб свои за винтовку не грохнули или менты.

Их все же заметили. На выходе из-за старых гаражей раздался выстрел. Пуля ударила в стальную стену гаража вскользь, высекая искры. Пират и Рэб спрятались за гараж.

– Я тебе говорил! Наши уже в городе. Если группа большая, попробуют окружить.

– Что делать будем?

– Не ссы, у меня один глаз, но видит ого-го! Стереги снайперку.

Пират сменил позицию. Спрятался в кустах разросшегося молодняком клена, взял наизготовку свою винтовку и замер. Грянул выстрел. Пират пригнулся и выбрался из кустов.

– Один готов. Давай, Рэб, перебеги на ту сторону и спрячься за тем баком, а я пока прослежу.

– А меня не убьют? – Рэб испугался, что стрелки могли еще остаться.

– Не исключено. Но если мы отсюда никуда не уйдем, то нас точно положат здесь. Рви со всей дури, и на пузо за бак. Я прикрою.

Рэб излучал неуверенность.

– Беги, а то в ногу выстрелю, оставлю для приманки.

И Рэб побежал. Рюкзак бил по спине, автомат прикладом хлопал по заднице. Перед ногами в землю ударила пуля. Куски земли брызнули по одежде. Сзади просвистела ещё одна пуля. Перед баками Рэб сделал последний рывок и прыгнул вперед щучкой. «Дум-м-м-м!» – Пуля ударила в металл. Ржавчина отскочила от вибрирующих стенок бака и упала на спину Рэбу. Он обернулся и увидел, как целился Пират. Перед выстрелом тот замирал, как манекен. Его винтовка выстрелила. Пират сразу же спрятался за стену гаража и показал Рэбу поднятый большой палец. Хотелось верить, что конфликт исчерпан.

– Беги назад! – крикнул Пират.

«Дружба дружбой, но башку под пули подставлять за тебя никто не будет», – подумал Рэб, группируясь перед броском.

– А у тебя нет других способов отвлечь стрелков? – спросил Рэб с укоризной, когда вернулся.

– Я не придумал ничего умнее. Извини, если тебе показалось, что я тебя использовал.

– Ты, правда, собирался выстрелить мне в ногу?

– Нет, конечно, просто решил, что для пущей заинтересованности недавний пример подстегнет тебя быстрее принять

решение. Улей не место для тормознутых.

– Вот спасибо! Ты видел, пуля почти попала в меня.

– Почти – это все равно, что пролетела за километр.

– Там еще кто-нибудь остался?

– Нет, вроде. Я пойду, обшманаю труп, а ты держи на прицеле округу. Увидишь опасность – стреляй.

– Их же двое было.

– Один на крыше. Туда я не полезу. Готов?

– Готов, иди.

– Стреляй куда угодно, лишь бы я успел отреагировать. Особенно держи в поле зрения крышу и тот угол между домами, мне их не будет видно.

– Понял, иди.

Пират критически оглядел Рэба, но все равно развернулся и пошел, держа винтовку перед собой. Труп человека в камуфляже лежал перед подъездом. До него было не меньше ста метров. Пират, мягко ступая, двигался вперед. Рэб водил стволом по сторонам. В окне второго этажа показалось лицо какого-то человека. Рэб автоматически направил ствол в его сторону. Палец чуть не нажал курок. Лоб покрылся испариной, по рукам пробежал тремор. Человек заметил направленное в его сторону оружие и исчез. Рэб облегченно выдохнул.

Пират закинул винтовку за спину, нагнулся и стал проверять рюкзак и одежду покойника. Позади Рэба щелкнула ветка. Со страх он чуть не дернул курок, развернулся и уви-

дел собаку, с любопытством рассматривавшую его. Пес вывалил розовый язык и вилял хвостом.

– Ты меня чуть зайкой не сделал! – отчитал собаку Рэб.

Он развернулся, чтобы не пропустить опасность. Дверь соседнего подъезда, рядом с которым копошился Пират, приоткрылась. В темном проёме не было видно, кто ее открыл. По-хорошему, надо было выстрелить туда, но вдруг это обычный человек, что, скорее всего, так и было. Пират был слишком занят, чтобы увидеть опасность. Муки выбора отдаляли момент принятия решения. Рэб хотел избежать этой ситуации, но она случилась, и ему предстояло с ней разобраться.

– Гав! – гавкнул пес за спиной.

Пират подпрыгнул и вытащил винтовку. Дверь подъезда тут же захлопнулась. Пират потряс кулаком в сторону Рэба. Тому ничего не осталось, как развести руками. Наконец, Пират закончил с трупом и вернулся.

– Чего не стрелял? – сурово спросил Пират.

– Зачем? – притворно удивился Рэб.

– Дверь в подъезде рядом приоткрылась, не видел разве?

– Видел. – Рэб опустил голову. – Я хотел убедиться, что там действительно опасно.

– В следующий раз стреляй, хотя бы вверх, но это когда тварей нет поблизости. Не перекладывай ответственность на собак. – Пират похлопал по холке дворнягу.

– Ты видел, кто выглядывал из подъезда? – спросил Рэб.

– Да, девчушка лет семи.

У Рэба стало легче на душе. Своим сомнениям он нашел оправдание. Хорошо, что он не выстрелил наудачу.

– Идем дальше?

– Едем. У подъезда – машина с ключами в замке. Думаю, что наши киллеры ее оставили.

Это была старая «Нива». В Улье её любили за хорошую проходимость и ремонтпригодность. Реквизированная у спецназовцев АСВК не влезла в багажник поперек. Пришлось сложить заднее сиденье и поставить ее вдоль кузова. Дульный тормоз торчал между передними сиденьями. Пират знал город и домчал до гостиницы быстро и без приключений. Город был пуст. По дороге встретились двое мужчин. Оба постарались убраться с глаз долой. Тревога ощущалась физически.

Из персонала гостиницы остался только служащий по хозяйственной части, судя по его рабочей робе. Он лежал в беспамятстве, в окружении пустых бутылок из-под дорогого алкоголя.

– Жертва халявы, – беззлобно произнес Пират. – Похоже, все работники уже сбежали. Представь себе, что сейчас творится на границе кластера! Какой вынос мозга у людей, какая пища для ума! И чьих – то желудков.

– Я бы не хотел видеть этого.

Пират поднял бутылку, лежавшую рядом с неподвижным

пьяницей. В ней еще оставалось немного алкоголя. Он понюхал из горлышка, скривился, но поднес ее к губам и сделал глоток.

– Будешь? – спросил Пират, протягивая Рэбу бутылку. – Какая-то непонятная хрень.

Рэб взял бутылку и тоже понюхал. По запаху признал в напитке темный ром – неплохой алкоголь, если не часто его употреблять, иначе он становился приторным. Сделал глоток и вернул бутылку.

– Если не хочешь лезть со мной на крышу, можешь остаться здесь. Я оборудую себе лежку и спущусь. Мне надо будет научить тебя вырезать у мутантов споровые сумки.

– Ты хочешь сказать, когда мы начнем охоту, я останусь внизу?

– А ты подумал, что я буду валить тварей и каждый раз бегать вниз, чтобы вырезать споровую сумку? Или ты сам хотел пострелять из моей красавицы? Или ты думал, что тварей можно настрелять сколько угодно, а потом спуститься и почистить? Оптом?

Рэб до сего момента и не задумывался о том, как будет выглядеть охота. Он представлял, что они оба будут в безопасности на крыше.

– Последний вариант, – выдал он.

– Нет, ты будешь сидеть внизу, и будешь бегать вырезать споровые сумки у мутантов. Для коммуникации будем использовать местные рации.

Пират направился к стойке ресепшена. Выстрелил в замок и достал из стола две рации.

– Пользовался? – спросил Пират.

Рэб отрицательно покачал головой.

– Смотри, вот кнопка передачи. Нажал ее, и через секунду можешь говорить.

– А слышать?

– Слышать будешь всегда. Я сейчас поднимусь, и мы с тобой поговорим. Ты, кстати, не расслабляйся: безопасный период закончился. Найди себе позиции, с которых хорошо просматривается местность перед гостиницей. Если я что-то увижу сверху, дам тебе знать. И еще, нам надо установить точки, относительно которых мы будем с тобой ориентироваться. Все, я пошел.

Пират перехватил снайперку поудобнее и торопливо пошел к лестнице. Скоро его шаги растворились в недрах гостиницы. Стало тихо-тихо – настолько тихо, что можно было услышать сквозняки, гуляющие по холлу гостиницы, скрипы и щелчки, неведомо откуда берущиеся. И тягостное, надрывное дыхание перепившего работника.

Рэб взял в руки автомат и прошелся по первому этажу гостиницы, разглядывая в окна обстановку. Очень редко по дороге проносились автомобили. Они обязательно ехали на высокой скорости, как будто удирали от неведомой опасности. Не исключено, что «сарафанное радио» разнесло по городу информацию о мутантах, прущих через мосты. Даже без

этих вестей город был насыщен страхом, от которого хотелось бежать. Этот страх выдавливал людей из города, прямо в лапы голодных тварей.

Рэб вошел в ресторан, прошелся вдоль окон и зашел на кухню. Оттуда он вышел на задний двор, граничивший с парком. Рядом с входом стояли два круглых пластиковых бака под мусор и курилка в виде скамейки под крышей. Рэбу показалось, что задний двор – стратегически уязвимое место. С крыши вести огонь по целям, скрытым листвой, будет тяжело.

– Ты где? – спросила рация сильно измененным голосом Пирата.

Рэб вздрогнул от неожиданности, суетливо нажал кнопку и сразу ответил:

– ... ухне. Черный ход выходит в парк. Мне показалось, что тебе трудно будет вести огонь в эту сторону?

– Куда деваться, валить лес уже поздно. Отсюда хорошо видно границу кластера. Походу, сегодня всё начнется гораздо раньше. Прием.

– Насколько раньше.

– Намного. Возвращайся на главный вход. Займи позицию справа от него. Там есть клумба, за которой можно хорошо устроиться. Рядом с ней, прямо в дорожке, есть люк. Держи его открытым. Он сообщается с коммуникациями гостиницы. В случае чего, воспользуйся им, только не забудь закрыть за собой. Я буду валить тварей преимущественно перед вхо-

дом. Потому что хороший обзор, но еще неясно, если раню, куда она рванет. Запомни: справа – главный ориентир, это статуя вождя мирового пролетариата, Слева – остановка общественного транспорта. Я тебе так и буду говорить: тварь сдохла в пяти метрах левее статуи. Ты бежишь и ловко вырезаешь ей споровую сумку. Или могу предупредить, что на остановке в ожидании автобуса появился лотерейщик, чтобы ты поторопился унести свою задницу. Договорились? Прием!

Рэб почувствовал, как заколотилось сердце, как в пальцах появилась дрожь. Не боец он был в душе, далеко не боец. И о стержне Пират наврал, только чтобы он не отказался вырезать споровые сумки. Что, если прикончит его, чтобы не делиться? Рэб глотнул живца. Сделал он это абсолютно рефлекторно, не задумываясь. Организм уже привык в момент депрессии тянуться к живцу. Это помогло. Дрожь прошла, и сердце успокоилось. Рэб пересек холл и осторожно вышел на улицу.

Ступени из серого гранита переходили в клумбу, которая опускалась тремя уровнями, с разными цветами на каждом. Рэб нашел люк, открыл его и заглянул во тьму. Жгуты проводов и трубы уходили в сторону гостиницы внутри бетонной коробки высотой меньше метра. Бегство по ней будет выглядеть очень утомительно со стороны, решил Рэб.

– Я на позиции. Прием. – Сообщил Рэб.

– Ждем, – ответил Пират. – Как понял?

– А как еще можно понять?

– Короче, ждем.

Слух больше не воспринимал далекую стрельбу как шум. Она не прекращалась с самого утра – то нарастала, то стихала. Каково было людям столкнуться с неизведанным, страшным злом? Скоро они сами начнут превращаться в мутантов, и это станет еще страшнее. Рэб достал шоколад, который прихватил из ресторана: организму хотелось серотонина.

Послышался звук двигателя автомобиля. Черный джип, из окон которого торчали стволы автоматов, проскочил мимо гостиницы.

– Кто это были? – спросил по рации Рэб.

– Ополченцы местные, скорее всего, на опытных не похожи.

– Пират, а если бы сюда пришли другие рейдеры, как бы мы поделили это место?

– Хорошая мысль, но я продумал ее заранее. Сказать честно, я совершил подлость, устранив потенциальных конкурентов заранее. Если бы среди них не было болтуна, то нам с тобой пришлось бы довольствоваться другим местом, более опасным и менее доходным. Упрежу твой вопрос: нет, я их не убил, просто отговорил.

– И на какой срок ты собираешься обеспечить себе безбедную жизнь?

– Хотелось бы до следующей перезагрузки этого кластера, но у меня еще ни разу не получилось растянуть на такой

срок. Два месяца в Улье – это больше, чем вся жизнь на Земле. Прием!

Рэб нажал кнопку передачи, но не нашел, что сказать. Глубоко вздохнул в прямой эфир, и это было красноречивее слов. Пират хихикнул. Больше говорить не хотелось. Рэб нашел удобную позицию за клумбой, выставил перед собой автомат и задумался. Мысли понеслись в далекое прошлое.

Он вспомнил лето, когда его карьера была в самом начале. Судьба испытывала крепость веры на посту дьякона. Бесконечная зубрежка церковных текстов, роль мальчика на побегушках, и постоянное недовольство со стороны церковного начальства. Анатолий готов был решительно развязаться с церковью и собирался это сделать в тот день, когда на службу пришла одна женщина, резко заставившая изменить свое решение.

Выглядела она непривычно для рядовых прихожан. Внешность ее была восточной, чем сразу вызвала неудовольствие церковных бабок. Анатолия женщина сразу сразила своей красотой. Она была очень стройной и изящной, в её движениях присутствовала грация и легкость. Лицо было создано пленять мужчин с первого взгляда. Большие темные глаза, обрамленные густыми ресницами, смотрели с холодком, чем еще сильнее разжигали интерес мужского пола. Прямой острый носик был выточен профессиональным резчиком. Небольшие, но пухлые губы притягивали к себе магнии-

том мужские взгляды. Когда она входила в церковь, следом за нею входил и черт, выбивавший из памяти мужчин все пристойные заповеди.

Анатолий каждый раз впадал в прострацию и забывал текст, когда ловил взгляд ее глаз, в которых отражалось пламя свечи. Это пламя разжигало его сердце все сильнее и сильнее. Он решил, что должен узнать о ней все, что можно, и если будет хоть один шанс подъехать к прекрасной прихожанке, он им воспользуется. Опыт говорил, что в церковь идут люди не от хорошей жизни. Анатолий хотел узнать проблему прихожанки и попробовать обернуть её в свою пользу.

Он узнал, что женщину зовут Дина. Она родилась от брака между русским и таджичкой, что объясняло ее красоту, недостижимую для чистой породы. Она была беженкой и приехала в город с мужем. Не имея ничего, они попытались хоть как-то обосноваться. Ее муж пошел по скользкому пути, попытался заработать курьером на наркотраффике и почти сразу попался. Бедная женщина, без родственников и поддержки, впала в отчаяние и пришла искать решение вопроса в церковь.

Путь был свободен. Анатолий для себя решил, что, помогая этой женщине, он совершает богоугодное дело. Думать о том, что конечной целью помощи было желание забрать-ся в ее постель и насладиться ее красивым телом, не хотелось. Пережив несколько бесплодных попыток познакомиться, при которых он потел, молчал, пучил глаза и выдавал са-

мый заученный текст, вроде «Отче наш», Анатолий все же смог ясно выразить свою мысль.

— Дина, мною движет благородное желание оказать вам поддержку — иную, чем просто молитва за вас. Я готов взять на себя часть материальных забот и готов помочь вам устроиться на новой родине.

Дина приняла его предложение, и все пошло именно так, как рассчитывал Анатолий. Через месяц он знал каждый закоулок превосходного смуглого тела Дины. Его любовь от этого не стала меньше, даже, наоборот, распалилась, как неконтролируемый пожар. Анатолий понял, что готов не просто помогать, но и способен придумать способы хорошего заработка. Дине нужен был свой уголок.

В итоге Дина стала для него первой ступенью на пути коммерческого успеха. Ее нужда заставила Анатолия активно шевелить мозгами. Денежный ручеек превращался в денежную реку. Успехи, подкрепляемые материально, были замечены начальством церкви. Анатолий был переведен из дьяконов в протоиереи и посажен на церковную бухгалтерию. Он смог купить смуглой красавице квартиру, машину, дал ей уверенность в завтрашнем дне и ..., стал не нужен. Дина перестала ходить в церковь. Ее внешность, помноженная на приобретенную респектабельность, привлекала многих мужчин, некоторые из них могли дать намного больше, чем Анатолий. Дина нашла себе мужчину — крупного бизнесмена, вхожего во власть.

Для Анатолия наступил период беспросветной тоски и желания покончить с собой. Он не раз брался за веревку и пристраивал табурет, но малодушие отводило руку от роковой глупости. Когда Анатолий понял, что не способен лишить себя жизни, он принялся молиться. Каждый свободный момент он просил Бога очистить ему память. Как сказочно-му герою, ему удалось-таки вытащить самого себя из трясины карих глаз смуглянки Дины. С того момента Анатолий приобрел иммунитет к женским чарам.

Рэб ухватился за автомат. Подсознание послало импульс опасности.

– Тихо стало, – прошипела рация. – Последние кордоны снесли.

На самом деле далеких уханий тяжелых пулеметов и пушек не стало слышно. Сама по себе тишина воспринималась как анонс предстоящей схватки. Рэб достал бутылку с живцом, открыл пробку, понюхал и убрал назад. Рано, недавно прикладывался.

Где-то пронеслась машина, визжа покрышками на поворотах, и снова все затихло. Слева раздался шорох; Рэб от страха чуть не нырнул в люк. На крыльцо вышел работник гостиницы – тот самый, что лежал в грудe пустых бутылок. Выглядел он ужасно, будто пил, не просыхая, пару месяцев.

– Иди домой, придурок! – крикнул ему Рэб.

Работник встрепенулся, как от неожиданности, и повер-

нулся в сторону Рэба. Его лицо было странным, рот скривило на одну сторону, глаза безумные, как у наркомана под дозой, и походка, как будто он только научился ходить заново. Он неуверенно топал к Рэбу и отвратительно урчал на вдохе.

– Э, иди на хрен отсюда!

Работник не отреагировал, даже прибавил скорости. Рэб почувствовал неладное. Он не видел начального этапа мутирования, тех самых пустышей, но его уверенность что именно его он видит перед собой, росла с каждым шагом работника Рэб поднял автомат.

– Последний раз повторяю: уходи, буду стрелять!

Никакого эффекта, никакого понимания в глазах. Рэб выдохнул, навел автомат в центр фигуры, зажмурился и выстрелил. Длинная очередь подбросила оружие. Он открыл глаза и увидел дергающееся на граните тело работника. Из него текла непривычно темная кровь.

– Что там у тебя? – спросил по рации Пират.

– Работник, тот алкаш; кажется, он обратился в мутанта.

Я ему кричал, а он не реагировал.

– Ты в упор засадил ему десять патронов?

– Да, я испугался. Он жуткий.

– Возьми себя в руки и поставь предохранитель до упора вниз, на одиночный.

– Ага, хорошо.

– Теперь жди, скоро сюда полезут.

Скоро – это два часа. На улице стали появляться первые

пустыши из местных. Они как будто привыкали к новому существованию. Дергались при виде таких же собратьев по несчастью. Шли, ковыляли навстречу друг другу, а потом резко останавливались, когда признавали, что встретили не человека, а точно такого же пустыша, как и они. После того как редкий нервный импульс заставлял их принять какое-то решение, они дергались снова и продолжали бесцельно брести.

Рэб видел с десятков пустышей одновременно. Они появлялись перед гостиницей и снова пропадали во дворах. Неожиданный топот, раздавшийся с правой стороны, заставил его напрячься. Такой топот он уже слышал, и страх перед его обладателем заставил Рэба крепче сжать цевье автомата. К топоту примешался надрывный рев мотора и визг покрышек. Кто-то охотился или удирал от топтуна. Раздались выстрелы, одновременно из нескольких стволов.

Шум приближался. На крыше старого двухэтажного здания показался топтун. С большого расстояния он напоминал гориллу, потому что опирался на развитые передние конечности. На дорогу вылетел тот самый черный джип, который уже мелькал перед гостиницей. Он резко остановился. Из машины выбежали трое мужчин и выстрелили в топтуна. По фасаду здания пробежались пыльные облака, оставленные попаданиями пуль. Топтун дернул передней конечностью – видать, зацепили. Он заревел и ударил обеими лапами по крыше. Он пробил ее и провалился сам в подныв-

шуюся пыль.

На секунду она скрыла его. А когда пыль осела, топтуна там не было. Он неожиданно выскочил из-за дома и бросился к джипу. Его не ждали. Кто перезаряжался, кто смотрел в другую сторону. В несколько шагов монстр достиг автомобиля и принялся крушить его и людей. Раздалось несколько выстрелов, потом было несколько предсмертных воплей, и вскоре все закончилось. Рэб хотел узнать, почему Пират не стрелял. И тут раздался выстрел с крыши гостиницы – мощный, гулкий.

Топтун дернулся, развернулся и завертел головой. Из его груди била струя темной крови. Второй выстрел запрокинул ему голову и уронил на землю. Третий, контрольный, еще раз ударил в череп.

– Блин, на спину упал! Справишься, Рэб? Споровая сумка на затылке.

– Далековато идти.

– Не ссы, я тебя прикрою. Три минуты – пробежать, минута – вырезать, и три минуты – назад; итого – семь минут. Давай, с каждой минутой мы теряем время.

Рэб одернулся, выбора у него не было. Чтобы выжить, надо было рисковать и учиться. Он еще ни разу не добывал местную драгоценность. И он побежал. Голова вертелась, как антенна локатора. Увидел, что по парку слоняется группа пустышей. Кажется, их привлек шум выстрелов. Рэб перепрыгнул через невысокие заборчики и оказался возле трупов лю-

дей и подстреленного топтуна. Люди выглядели ужасно: их тела были разорваны мощными когтистыми лапами. Топтун лежал навзничь и не подавал признаков жизни.

Рядом с людьми он казался еще крупнее. Рэб не знал, как подступиться к его голове. Пнул ее, чтобы повернуть, но она едва двинулась. Осмотревшись в поисках подходящего предмета и увидел длинный тесак, лежавший в багажнике разворочанного джипа. Воткнув тесак в глаз топтуну и упершись в рукоятку ногой, он повернул голову заражённого. На затылке действительно был нарост. Небольшим ножиком Рэб вскрыл его и обнаружил пустоту, заполненную редкой «паутиной». Пришлось запустить пальцы и нащупать кругляши споранов. Рэб извлек на свет две горошины желтого цвета и шесть серо-зеленых виноградин споранов. Забросив их в карман, он выдернул из глаза топтуна тесак и рванул к гостинице.

– На первый раз все прошло отлично, Рэб. Надо было чуток осмотрительнее быть, но все равно молодец! – бубнила на ходу рация. – Ах, ты ж!

С крыши грянул выстрел. Рэб увидел вспышку выстрела и дым. Позади глухо шлепнуло. Он обернулся и чуть не упал. Ноги ослабли. За ним бежали двое мутантов, на вид меньше топтуна, но все равно достаточно страшные. Один сильно хроmal. Второй выстрел с крыши свалил его на землю. Оставшийся завиялял, будто понял, что так его труднее достать.

– Беги в тоннель! – крикнула рация.

Рэб поднажал. Снова бахнул выстрел с крыши. Рэб обернулся, чтобы узнать результат. Кажется, никакого. Мутант бежал почти вприпрыжку и сближался с Рэбом невероятно быстро. Вторая пуля ударила в землю. Снова мимо. До безопасного тоннеля осталась сотня метров. Рэбу начало казаться, что до него столько же, сколько и до луны раком. Если Пират не прикончит тварь черед секунду, она сцапает его.

Пират не стрелял. Сзади слышался топот и звуки мощного дыхания. Нет, до тоннеля не добежать! Рэб досчитал до трех, дав шанс Пирату, но тот его не использовал. Рэб остановился, развернулся лицом к преследовавшему его мутанту, вскинул автомат и выстрелил. Тварь дернулась, но не остановилась. Рэб жал на курок и каждый раз выпускал по пуле в тело мутанта. Пули, казалось, не наносили твари серьезного вреда. Мутант дергался и продолжал движение вперёд. Рэб целил в голову. Пуля попала в шею, выбив из нее фонтан злокачественной крови. Вдруг лицо мутанта разнесло черным фонтаном в разные стороны. Сверху раздался гром выстрела. Тварь упала как подкошенная.

– Извини, винтовку заклинило, – передала рация.

Рэб направил антенну рации в сторону махавшего с крыши Пирата и изобразил ею выстрел.

– Я не специально. Техника подвела, – оправдывался Пират. – Твоя доля будет на десять процентов больше.

– Больше твоей или больше той, что ты планировал дать мне? Что мне теперь делать? – спросил Рэб.

– Опустоши их. Такая удача – редкость. И поменяй магазин в автомате.

Рэб вставил новый магазин и пошел к первой твари. Пуля пробила ей голову насквозь и разворотила череп рядом со споровой сумкой. Рэб вскрыл ее. Она была полна черной крови, густеющей на глазах. Брезгливо запустив в теплую жидкость пальцы, он нащупал там четыре шарика. Это были спораны. Рэб стряхнул с них кровь и убрал в сумку. Затем дошел до следующего монстра, на котором еще сохранился кожаный ремень вокруг талии. У того было только три спорана, гораздо меньшего размера.

– Рэб, тут пустыши подбираются. Ты не заметил, в том черном джипе, ключи в замке были?

– Мне недосуг было рассматривать такие вещи.

– Дойди до него и проверь. Если есть, заведи, включи клаксон и пусти по улице. Надо отвлечь пустышей.

Если бы Рэб знал заранее, сколько ему придется бегать, то еще сто раз подумал бы, прежде чем идти в партнеры к Пирату. Напарник грел пузо на теплом безопасном солнышке на крыше, а он выполнял всю черную и смертельно опасную работу.

Ключи были в замке. Рэб завел машину, поставил руль прямо, чтобы она ехала вдоль улицы. Поднял ружье с земли и нашел положение, в котором оно упиралось стволом в клаксон и прикладом в спинку сиденья. Заклинил. Клаксон забасил на всю округу. Рэб поставил коробку в драйв и бросил

на педаль газа чей-то рюкзак. Машина поехала, набирая ход. Звук удалялся, а за ним двинулись толпы пустышей. Машина несколько раз задевала вскользь оградку вдоль дороги и меняла направление движения. Она миновала два квартала и врезалась в дом.

Где-то забухал тяжелый пулемет. Он выпускал по две-три пули. К нему присоединился еще один, более громкий. Рэб добежал до своего места и свалился на землю за клумбой. Ему хотелось передышки, и он очень надеялся на то, что тяжелые пулеметы привлекут к себе внимание.

– Каков улов? – спросил Пират по рации.

– Тринадцать споранов и две горошины, – ответил Рэб.

– Не густо. Конкуренты, похоже, хорошо рубят из пулеметов.

– У меня нет сил завидовать им.

– А силы нам нужны, братец Рэб. Не для того я два месяца жду этот день.

– А ты не пробовал заняться торговлей? Сидел бы на стабе и наваривался с прибылью, не поднимая задницу.

– Пробовал, как же, здесь все пробуют. Торгаш из меня хреновый получился. Что-то выменивал, занимал, отдавал, продавал, а потом – хлоп! – и должен всем. Потом понял, что Улей наградил меня другой способностью – орлиным глазом – и ждет, что я буду жить с его дивидендов. А если думать, как ты, то все так бы и сидели в стабах, ждали своего покупателя. А откуда ему взяться, если все сидят на заднице?! Вот

и бегаю сюда. Когда у тебя проявится способность какая-нибудь, ты тоже попадешь под ее влияние. Дай Бог, чтобы это был не самовоспламеняющийся газ, как у Напалма, царствие ему небесное.

Рэб вспомнил случай со змеей. Спустя несколько дней после инцидента он не казался правдоподобным. Что там могло перепуганное сознание представить... Хотелось чего-нибудь полезного: невидимости какой-нибудь, или силы богатырской, чтобы вертеть на одной руке матерого мутанта.

– Приготовься, – прошептала рация. – От Владимира Ильича. Хаммер военный. Откуда он здесь? Лучше спрячься.

Рэб услышал шум мощного американского мотора. Прячется он не стал, но зарылся в цветах с макушкой. На улице перед гостиницей выехал «хамви» песочной окраски с «кольтом» пятидесятого калибра. Пулеметчик, однако, не выглядел как военный. В черной бандане и очках, он больше походил на престарелого рокера. Машина остановилась возле трупа мутанта с простреленной головой. Водитель не стал выходить. Осмотрел труп из машины, повертел головой и, остановив взгляд на крыше гостиницы, замер на мгновение. Рэбу показалось, что он увидел смотрящую ему в голову винтовку большого калибра.

Хаммер тронулся и исчез за поворотом. Эхо от его двигателя еще какое-то время металось между домами, а потом затихло. Потом замолотил пулемет.

– Рэб, тут стоя. По стае не работаем. Пусть уйдут.

– Они еще и стаями охотятся? – удивился Рэб.

– Это что-то вроде симбиоза. Один сильный и умный мутант держит при себе свиту. Рискует ими в первую очередь, а если повезет, отдает им часть пирога.

– У нас ведь не такие взаимоотношения? – спросил Рэб, подозревая себя в роли свиты возле матерого хищника.

– Не-е-ет, что ты! Как ты мог подумать?! У нас разделение труда, как на мануфактуре. Я стреляю, ты собираешь.

– А можно спросить, что случилось с теми, кто собирал тебе в прошлый раз. Слабо верится, что ты сам бегал вниз вырезать спораны.

– Хороший вопрос! Напалм, последний мой товарищ, самоликвидировался из-за своего необычного дара. Хороший был человек! Кнут сбежал – нервы не выдержали. Прямо в лапы руберу. К его чести, погибли оба. Перегон уводил от меня мутантов на машине, да так и сгинул, неизвестно где. Я искал его и не нашел. Ни его, ни машины. До сих пор надеюсь, что живой.

– Прямо карма какая-то у тебя с напарниками.

– Скажу откровенно: все они были без стержня. Я думал, что такие удобнее, лучше слушаться будут, а получалось наоборот: как только прижимало, они не выдерживали. Так, приготовиться! – Рация замолкла.

Рэб приподнялся, раздвинул цинии, чтобы разглядеть обстановку. Вначале он ничего не увидел, потому что зрение

искало привычные вещи, да и солнце начало клониться к закату. Вдруг на темном фоне дома по ту сторону дороги произошло движение. Недалеко от того места, где топтун растерзал людей, стоял мутант гораздо крупнее топтуна. Он озирался по сторонам, как человек. Казалось, что он изучает обстановку. Зачем такому мощному телу разум? Уж лучше бы оставался дебилом, алчущим плоти.

Переспрашивать Пирата о мутанте Рэб не решился. При таких явных признаках ума можно было легко себя обнаружить. Тварь, как призрак, снова исчезла между домами. Рэб на всякий случай примерился к люку, в который следовало нырять. У этой твари даже голова не пролезет в него.

Прошло минут пять напряженного ожидания. У Рэба, замершего в одной позе, заныла спина и затряслись колени. Слух и зрение производили собственные галлюцинации. Единственным настоящим звуком был шум ветра в кронах деревьев. Рядом с Рэбом что-то упало. Он дернулся в сторону звука и нашел маленький камешек. Поднял голову и увидел руку Пирата, куда-то указывавшую пальцем. Рэб посмотрел в этом направлении.

Через дорогу, чуть левее гостиницы, находилось военное училище. За желтым забором со звездами возвышались казармы и учебные корпуса. Сквозь фигурные отверстия в заборе, Рэб заметил движение. Над забором показалась голова человека. Он вынул оружие и поводил им в стороны. Судя по всему, он был там не один. Человек наклонялся, как буд-

то разговаривал с кем-то по ту сторону забора. Для опасной ситуации они вели себя достаточно шумно, это было понятно даже Рэбу.

Раздался рев. Крупный мутант, которого Рэб уже видел, выскочил на открытое место и, набирая скорость всеми четырьмя конечностями, устремился в сторону училища. Со стороны училища раздался крик. Сразу несколько автоматов открыло огонь. Мутант попал под град пуль. Он сразу сменил тактику и начал рыскать из стороны в сторону. Пират не стрелял. Рэб, с такого расстояния, тоже не был уверен в правильном расходовании боеприпасов.

Тварь достигла забора, подпрыгнула, немного не долетела и протаранила головой гипсовый орнамент. Народ закричал и открыл паническую стрельбу в упор. В противовес им раздавался рык и глухие удары. Пират решил вступить в бой. Гулко выстрелила его винтовка. Тварь ответила на попадание протяжным воем. Второй выстрел – и снова душераздирающий вой мутанта. Автоматы почти замолчали. Слышались только одиночные выстрелы. Пират выстрелил еще раз. Вместо рыка разлетелся на куски забор. Мутант вычислил стрелка и ломанулся к гостинице. Четвертая пуля вошла в тело в районе ключицы. Тварь резко осела, закружилась на одном месте, разбрызгивая кровь. Пятая пуля ударила в спину твари и повалила ее наземь.

– Рэб, добей ее и почисти. Славный трофей!

Могучее тело вздымалось при вдохе. Тварь была жива.

Когда Рэб подошёл поближе, стал слышен ее стон и могучее дыхание. Рэб приближался осторожно, стараясь видеть всю округу. Такая перестрелка могла согнать сюда всю нечисть. Добивать тесаком Рэб не решился. Хотя перед ним и было порождение ада, но в беспомощном состоянии оно вызывало жалость. Он приставил ствол автомата к глазу мутанта. Тот посмотрел на Рэба неожиданно умным взглядом, в котором светилась просьба о пощаде. Рука Рэба дрогнула, и он почувствовал, как сознание сопротивляется тому, чтобы поставить точку в этой схватке. Он не понял, что произошло дальше, может быть, тварь решила улыбнуться по забытой человеческой привычке, но обнажившиеся клыки так напугали Рэба, что он выстрелил. Кровь брызнула на одежду. Тварь дернулась и издохла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.